
КАТЕРИНА
Пелевина
Мой
ОДЕРЖИМЫЙ
студент

Катерина Пелевина
Мой одержимый студент

https://litres.ru/74810053

Аннотация

– Задержишь меня снова? Спускается украдкой с заднего ряда с улыбкой чеширского кота. Уже успел расстегнуть парочку пуговиц на рубашке. Мерзавец. – Пошёл вон отсюда, Вершинин! Он резко вжимает в меня свой каменный стан и почти шепчет мне на ухо до запретных мурашек на коже: – Сегодня твоего муженька снова не будет в городе, так ведь? – хрипит, прикусывая мочку. Сжимает наглой пятерней бедро. Я пячусь назад, он давит до победного. – Марк, прекрати... Не здесь. Я не могу так. Объясняла же сто раз! За секунду оказываюсь на своём столе задницей, пытаясь сомкнуть колени, но мне не позволяют и более того – диктуют обратное. – А я сто раз слышал, – усмехается, прижавшись ещё ближе. – И знаешь, что я слышу каждый раз? Ты говоришь «нельзя, не здесь», а твои глаза кричат «быстрее». Пытаюсь отодвинуть его, но он не даёт ни секунды на передышку. – Раздвинь ножки, киса… – Ты отвратителен. – Тебе нравится... И что мы имеем по итогу? – нагло касается меня своими пальцами, и я закусываю губу. – Ш-ш-ш... Одна принципиальная преподша и её одержимый студент. Запретное комбо. Как думаешь, кто-то напишет о нас роман, дорогуша?... Или может, тебе по душе грязное порно?...

В тексте есть: Студент и преподша (Она старше его на шесть лет 19/25) Очень горячий офигевший плохиш ❤#Героиня замужем, но ему реально пофиг Запретная страсть Противостояние характеров Очень много горячих откровенных сцен 18+

График – каждый день

НЕ ЗАБУДЬТЕ ДОБАВИТЬ КНИГУ В БИБЛИОТЕКУ И ПОСТАВИТЬ "НРАВИТСЯ" ❤# Пишите комментарии) Всегда рада❤#

Содержание

Пролог	6
Визуалы	15
Глава 1.	21
Глава 2.	27
Глава 3.	33
Глава 4.	41
Глава 5.	48
Глава 6.	55
Глава 7.	63
Глава 8.	69
Глава 9.	74
Глава 10.	81
Глава 11.	88
Глава 12.	93
Глава 13.	98
Глава 14.	104
Глава 15.	110
Глава 16.	115
Глава 17.	121
Глава 18.	127
Глава 19.	134
Глава 20.	140
Глава 21.	145

Глава 22. 150
Глава 23. 155
Глава 24. 161
Глава 25. 166
Глава 26. 170
Глава 27. 174
Конец ознакомительного фрагмента. 175

Пролог

Добро пожаловать в новинку о запретной страсти! Будет жарко, и я очень жду от вас поддержки) Отзывов, которые я никогда не оставляю без внимания, звёздочек «мне нравится» на карточке книги))) Автор очень нуждается в поддержке) P.S. Героиня старше на шесть лет. Ему 19, ей 25) Погнали…

Пролог

Марк Вершинин

– Марк… Ах… Уже надо ехать… Слушай, такси приехало… Марк…

– Подождёт твоё такси, – оттягиваю трусы на сочной заднице и сжимаю тёплую кожу в руке… Трусь членом о дрожащую ладонь очередной симпотной, но безмозглой девчонки. Не натрахался нифига. Мне мало. А тут ей мамка неожиданно позвонила и как начала вопить, чтобы срочно ехала домой, выдернув нас обоих из зоны комфорта, а конкретно меня из её сладкого рта.

Басы на фоне долбят так, что вибрирует даже кровь в венах – вот это я понимаю, уровень. Туса в честь начала учебного года. Моя, кстати, туса. У меня других не бывает. Второй курс. Стою у ворот, сосёмся как одичалые, пока она пытается от меня сбежать. Нафига вообще было приезжать тогда? Я бы снял кого-то другого… Не люблю подобного рода

заморочки. Девок дохуя – париться из-за кого-то одного – не мой вариант. Мне девятнадцать. Я беру от жизни всё.

– Ты мне позвонишь? – она отрывается от меня, тянет за рукав, смотрит снизу вверх, и в этом взгляде столько надежды, что мне даже смешно. В хорошем смысле. Как мило, когда кто-то всерьёз верит в эти слова. Учитывая, что у меня даже номера её нет. Тупо настрочил на страничку, что хочу её выебать, она и приехала. Буквально сразу же. Ни секунды даже не поломалась ради приличия.

Я закатываю глаза, но растягиваю губы в той самой ленивой улыбке – отработанный жест, от которого у всех девок намокают трусы. Хз как работает, но факт. Они ведомые до безобразия. Порой интеллект вообще отсутствует. Большинству нужны бабки, дорогая тачка и качественный трах.

– Конечно, – бросаю, даже не пытаясь вложить в слово хоть каплю правды. И мне нормально от этого. Вообще не грызёт совесть. У меня есть девушка, да. Ради какой-то показушной стабильности для родаков. Но я же не монах, чтобы хранить ей верность в мире, где столько сочных задниц и влажных пилоток. Жизнь слишком короткая, чтобы отказывать себе в удовольствии.

Такси рычит у обочины, забирает её, увозит отсюда и вдруг вокруг становится оглушительно тихо. Реально слишком. Как будто кто-то резко выкрутил громкость жизни на минимум, и теперь я слышу то, что обычно топлю в басах и алкашке: как гудит внутри пустота, которую я обожаю за-

полнять новыми впечатлениями…

И в этой тишине я вдруг вижу какую-то тёлку у дома напротив, который пустовал несколько месяцев после переезда одного батиного знакомого.

Она стоит у распахнутого багажника с кучей коробок внутри. Спиной ко мне, но даже так обзора достаточно, чтобы понять, что она соска. Пепельные пряди рассыпаются и поблёскивают в свете фонаря до самых лопаток. Снежинка, бля…

И задница у этой снежинки…

Вот это, мать вашу, задница…

Член в джинсах ещё не успокоился от предыдущей, а от этой так вообще подрывает…

Коробка за коробкой она вытаскивает свои вещи, и снова швыряет обратно, как будто не могла заказать себе грузчиков, которые бы стаскали всё за одну минуту. Одной рукой прижимает телефон к уху и с кем-то ругается.

– Да, я понимаю… – голос достаточно приятный, хоть и натянутый. – Я сказала, всё будет готово к утру. Не надо напоминать каждые десять минут… Нет… Нет, Володя, я не смотрела на него! И нет, я ему не звонила! Боже, да сколько уже можно?! Нет… Я не кричу… Прости… Я разгружу и буду спать! Потому что завтра мне уже на работу… Ты же сам договаривался!

Она резко сбрасывает звонок. Сгибается, оперев ладони над коленями, тяжело дышит, а потом просто сползает вниз,

прямо на бордюр жопой и роняет голову на руки. Я пока просто наблюдаю, но признаюсь, уже думаю о том, что рано или поздно ей присуну. Тем более, она живёт так близко. Руку протяни…

Я подхожу к ней, не спеша. Сажусь на корточки напротив неё, чтобы не напугать. Просто быть на одном уровне с ней и заодно посмотреть поближе. Но она даже не вздрагивает. Видать, знала, что я здесь стою.

– Есть сигарета? – она поднимает на меня глаза…

Еба-а-а-ааать… Вот это глаза…

Злые и усталые – да, но…

Офигенно выразительные.

Лицо милое, на вид лет двадцать примерно. Ну, может чуть больше, а на правой руке ебучее обручальное кольцо. Замужем, что ли? Не свезло…

Молча достаю пачку, протягиваю. Она вынимает оттуда одну. Руки у неё дрожат, но я бы не сказал, что на улице холодно, просто у кого-то внутри будто разжалась пружина. Запястья тонкие, пальцы длинные. Беру зажигалку, прикрываю пламя ладонью от ветра. Она затягивается глубоко, но до кашля. Видно, не курит вообще… Но что-то же заставило.

– Значит, ты моя новая соседка? – спрашиваю, глядя на тёмный дом напротив, где после отъезда старого соседа пока ещё не было ни души. Он тоже не из простых. У нас тут в целом всё для избранных. Почти «Барвиха».

– Да. Что-то вроде того… – выдыхает она дым в сторону,

но смотрит сквозь меня. Словно я вообще для неё лишь антураж этого вечера. И голос такой сдавленный при этом.

Затем мы оба замолкаем… Слушаем только пошлятину, что раздаётся из открытых окон моего нескромного жилища.

– Нравится район? – спрашиваю вдруг с усмешкой. Тупой вопрос – согласен. Раз выбрала такое место, значит, очевидно – да.

– Ты всерьёз интересуешься этим? – она усмехается, и в этой усмешке столько горечи, что она почти обжигает. – Если эта музыка не прекратится, я вызову полицию. Предупреждаю.

– Хах. Вот так сразу и с войны? – я не обижаюсь. Наоборот, эта её колючесть почему-то цепляет. – Лучше присоединяйся, красавица. У меня там и выпивка, и компания, и даже диван, на котором можно приятно провести время… – ухмыляюсь я.

– Нет уж, обойдусь как-нибудь, – она встаёт с бордюра, отряхивает джинсы. Тушит окурок, бросает в урну. – Но за сигарету спасибо. Стало легче.

Она разворачивается и идёт к калитке, и я не могу оторвать взгляд от её жопы и от лоснящихся до поясницы волос. Такая снежинка, я ебал… Точнее, я бы поебал. Натянул бы на кулак эти светлые локоны и… Вот это факт.

И когда она уже собирается закрыть за собой калитку, я не выдерживаю, бросаю как бы вскользь:

– Если чё приходи! Я Марк! Хозяин этой тусы! Будет жар-

ко!

Она замирает, переваривая мои слова, чуть опускает голову, будто бы прощаясь со мной, и тупо исчезает за калиткой, прихватив с собой очередную коробку. Так и не ответив мне ни «да», ни «нет». Ничего вообще…

Стрёмно, конечно, что не согласилась. Я уже там нафантазировал, как обычно. Отстой.

Приходится вернуться в шатающийся дом в горьком одиночестве. Музыка гудит. Пацаны сразу же подливают мне в стакан вискарика, и жизнь снова становится такой, какой и должна быть – охуенной, без капли стеснения и сожалений. Мне нравится эта карусель разврата и что я всегда в центре внимания. Могу быть и с одной, и с другой, и с третьей, и при этом не чувствовать себя ни виноватым, ни сломленным. Если Вика мне что-то и скажет, то только поебет мозги немножко. Пару извинений, букет цветов и какая-нибудь цацка, и моя девушка снова между моих ног, где ей в принципе и место…

Но перед глазами всё равно уже стоит новая цель, от которой я вряд ли откажусь. Соседка.

И я теперь думаю, что же сделать такого, чтобы выманить её к себе в гости в очередной подобный вечерок… Но пока думаю, нахожу ещё одну легкодоступную липучку, которая ведёт меня прямиком в мою комнату, ну или она находит меня, а дальше… Я вообще уже ни хрена толком не помню… Всё как в тумане…

***

Утро наступает как удар обухом по моей бедовой башке. Всё гудит, во рту сушняк, а дома такой срач, что сегодня придётся вызывать клининг, пока родаки не вернулись и не вставили мне пиздов за вчерашнее... На телефоне сотни пропущенных от моей Викули. Чё ей надо в душе не ебу. Наверное, кто-то меня слил. Но я же не виноват, что она, как назло, заболела, блин. Не ждать же её теперь, правда?

Выхожу на улицу, курю… Смотрю на дом напротив. Вспоминаю, что она что-то говорила про работу… Машины вроде не видно, но вдруг она её в гараж загнала. А я могу подвезти… Сплёвываю и на похер тащусь к ней. Только вот стучу, звоню снова и снова, но мне никто не открывает… Бляха. Обломидзе, Марк, не всё так просто…

Выезжаю в итоге поздно, параллельно разглядывая окна своей новой цели, плетусь на пары по пробкам, опаздываю, как всегда, и влетаю в аудиторию, когда лекция уже вовсю идёт… Ещё и ебучая вышка сегодня первой парой. Я её буквально ненавижу…

Врываюсь, хлопая дверью, и все головы поворачиваются ко мне. Все, кроме одной.

У преподавательского стола стоит она. Прямо возле доски. Та самая девушка с пепельными волосами, что вчера курила со мной. Только сейчас на ней строгий бежевый пиджак, волосы туго стянуты в пучок – ни одной лишней пряди, а на лицо надета маска абсолютной, непробиваемой про-

фессиональности и субординации…

Марк, это твоя преподша, да?

Вот ты попал, а…

В хорошем смысле слова, походу…

– Опаздываете, молодой человек, – холодно заявляет она. Вообще ни намёка на повышенную тревожность. Кто-то на магнии что ли сидит, а? Я не пойму. – И что же такого важного задержало Вас сегодня? В первый день учёбы.

– Пробки, – выдавливаю с ухмылкой, потому что ничего умнее в голову не приходит. Потому что все заготовленные фразы, все обычные реплики, которыми я разбрасываюсь, как и деньгами, рассыпаются в пыль перед её гонором. Сучка явно не из сопливых.

– Пробки? – повторяет она, чуть приподнимая идеально прорисованную бровь. – Так странно… Наверное, Вы очень далеко живёте, потому что я доехала по пустой дороге... Что ж впредь выходите из дома раньше. Присаживайтесь. И постарайтесь больше не нарушать тишину своими эффектными появлениями…

– Что Вы, разве это эффектно? Я ещё покажу свой эффект, не переживайте.

Аудитория хихикает. Все с похмелья после вчерашнего. А она смотрит на меня так, будто хочет раздавить. Ты ж моя сладкая.

И как ей, сука, идёт этот образ строгой училки! У меня за секунду вся кровь вниз ушла, и теперь тяжело идти под

грузом такой ответственности в брюках.

Я тащусь к своему месту, чувствуя на себе десятки взглядов, но сам смотрю только на неё. Пытаюсь поймать хоть намёк на переживания, но в её глазах – ничего, хотя я уже понял, что она меня тоже узнала… Что ж.

Теперь произвести на неё впечатление будет гораздо проще, чем долбиться в закрытую дверь соседнего дома… Надеюсь…

А на эту проволоку на её пальце мне, увы, совершенно поебать…

Не стенка – подвинется.

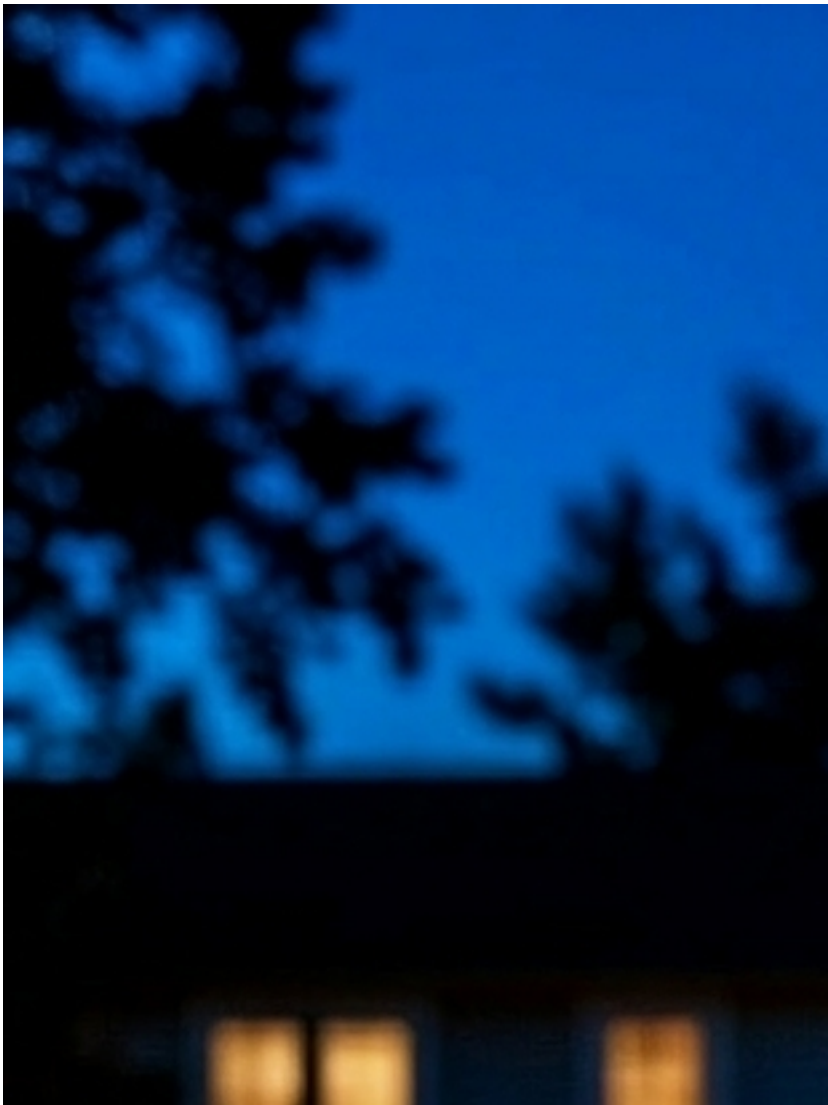
Я умею приручать и подсаживать…

Визуалы

Полина Жигалова

Марк Вершинин

От автора: Ну безумно хороши ведь, так? Я обещаю тут много огня между ними. Тайны, страсти-мордасти и всё в таком духе) Скучать вообще не придётся) Покормите моего Муза, дорогие) Кто не подписан на меня как на автора, очень жду! У меня всегда много скидок и новинок, чтобы быть в курсе - https://litnet.com/shrt/NVx6

Глава 1.

Полина Жигалова

Я не курю. Вообще. Никогда. Для меня сигарета – это последнее дно, а я не сдаюсь. Даже когда хочется выть. Но вчера… вчера эта проклятая слабость на секунду пробила это самое днище. Когда коробка давит на рёбра, а голос в трубке кромсает нервы, когда кажется, что ещё одно слово, и я рассыплюсь прямо на этом бордюре, в такие секунды человек хватается за что угодно. И я схватилась. За эту сигарету. За этот горький дым, который на долю мгновения заглушил шум в голове и осел горьким пеплом в моих лёгких…

И знаете, что хуже всего? На ту самую секунду мне хочется не просто затянуться – мне хочется бросить всё. Упаковать эту жалкую гордость обратно в коробку, швырнуть её в угол и пойти туда, в тот дом напротив, где музыка рвёт ночь на куски, где никто не смотрит на меня как на уже полученный трофей, где можно просто быть чьей-то тенью, чьим-то смехом, чьим-то мимолётным взглядом и ни перед кем не отчитываться. Хочется почувствовать, как басы вибрируют в груди, заглушая этот вечный, выматывающий контроль. Но я не иду... Потому что знаю: у моего мужа везде глаза и уши. Даже в темноте. Даже в тишине. Даже в моей собственной слабости…

Музыка стихает только в четыре утра. Я лежу в пустой

комнате, слушаю, как оседает гул, и чувствую, как медленно, по миллиметру, возвращается моя маска. Та, за которой он не видит меня настоящую. Уснуть удаётся только под утро, но в шесть я уже бегу по пустым улицам. Холодный воздух бьёт в лицо, вытягивает из лёгких вчерашнюю горечь. Каждый шаг, как гвоздь в крышку гроба для этой минутной слабости. Потом душ, строгий бежевый костюм, волосы в тугой пучок – ни одной выбившейся пряди. Идеальный фасад, за которым кроется загнанная в угол двадцатипятилетняя Полина Жигалова.

В университете меня встречают улыбками, но эти улыбки, как лезвия с позолотой. Натянутые, острые, не безопасные…

Заведующая кафедрой, сухонькая женщина с цепким взглядом, чуть ли не приседает в реверансе.

– Полина Сергеевна, мы так рады, что Вы согласились нас выручить! Осипов ушёл без предупреждения, а семестр в самом разгаре… Но теперь, когда Вы здесь, всё наладится. Вы ведь у нас специалист высочайшего класса. Да и… – она чуть понижает голос, будто делится секретом, хотя это знают все. – Ваш супруг так много делает для нашего ВУЗа. Такое щедрое финансирование… Мы все ему бесконечно благодарны.

Я сглатываю.

«Бесконечно благодарны», – эхом отдаётся внутри. Вот она, настоящая причина, почему меня взяли даже без собеседования. Не из-за моих статей, не из-за опыта, не из-за того, что я люблю математику так, будто она – единственный

честный язык в этом лживом мире. А потому, что за моей спиной стоит он. Его деньги открывают двери, его имя заставляет людей улыбаться, даже когда от этой улыбки сводит скулы.

Остальные преподаватели кивают, бросают вежливые фразы, в которых сквозит то же самое: «Мы так ценим поддержку Вашего мужа». Никто не смотрит на меня. Все смотрят сквозь меня – на его тень. И в этом взгляде – не уважение, а расчёт. Они знают, кто здесь главный. Знают, что моя должность держится не на моих знаниях, а на его счетах.

Я киваю в ответ, улыбаюсь той самой ледяной улыбкой, которую отработала до совершенства. Внутри всё сжимается, но снаружи – ни дрожи, ни намёка на боль. Я научилась быть камнем.

Я ненавижу этот переезд. Ненавижу этот город. Ненавижу, что вынуждена была бросить свой любимый университет, потому что он ревновал меня к ректору – человеку, с которым у меня не было и не могло быть ничего, кроме вежливых разговоров о бюджете кафедры. Но спорить с ним – значит проиграть. А я держусь. Держусь не ради себя, ради своей сестры. И пока он помогает нам – у меня есть крошечный, хрупкий островок надежды на то, что она останется жива.

Перед началом первой пары я стою у кафедры, раскладываю бумаги, делаю вид, что проверяю список студентов, а сама чувствую на себе десятки взглядов. Студенты изучают меня, как редкий экспонат. Я ведь ненамного старше многих

из них. В их глазах – любопытство, лёгкий страх и эта подростковая дерзость, которая ищет слабину. Парни шушукаются между собой. Девочки косятся на меня, как на мишень. Мы уже это проходили и не раз. Я привыкла и даю им ровно столько, чтобы они поняли: со мной этот номер не пройдёт.

Мелок скрипит по доске, выводя мои фамилию, имя, отчество. Голос звучит ровно. Я держусь уверенно, несмотря на шторм внутри из-за очередного вчерашнего скандала с Володей. Пусть и по телефону. Но я так счастлива, что его нет в городе…

– Доброе утро. Я Ваш новый преподаватель по высшей математике. Меня зовут Полина Сергеевна. Будем знакомы…

И в этот момент дверь хлопает. Громко, дерзко, так, будто кто-то бросает вызов лично мне…

Я поворачиваю голову и на панике замираю.

Чёрт… Какого х…

Это тот самый парень с пачкой сигарет. Мой сосед…

Теперь он стоит в дверях аудитории, опоздавший, взъерошенный, но с этой своей наглой самовлюбленной ухмылкой, от которой меня передёргивает на месте…

Сердце останавливается. На секунду. Просто замирает, забывая, как биться. Потому что в эту секунду рушится вся моя тщательно выстроенная защита. Потому что он здесь. В моём пространстве. В моей крепости. И он знает меня. Знает, где я живу. Видел, как сидела на бордюре и курила, потому что сил больше не было… Надеюсь он не прочувствовал

эту уязвимость, а то… Пиши пропало…

– Опаздываете, молодой человек, – мой голос звучит твёрдо, но внутри всё дрожит. – И что же такого важного задержало Вас сегодня? В первый день учёбы.

Он замирает на пороге. Улыбка становится только шире, будто он привык прятаться за привычной маской циничной расслабленности.

– Пробки, – бросает он, пожимая плечами.

– Пробки? – спрашиваю я, ведь мы живём напротив и никаких бы пробок не было, выехав он вовремя, а не без пяти от назначенного времени. – Так странно, наверное, Вы очень далеко живёте, потому что я доехала по пустой дороге... Что ж впредь выходите из дома раньше. Присаживайтесь. И постарайтесь больше не нарушать тишину своими эффектными появлениями…

– Что Вы, разве это эффектно? Я ещё покажу свой эффект, не переживайте.

Аудитория хихикает.

Ещё и издевается. Засранец малолетний. Ну, я тебе покажу, козлина, ты у меня экзамен вечность сдавать будешь…

Он проходит на верхний ряд вальяжной походной, садится, и все… Абсолютно все, включая меня, будто ждут его одного. Уму не постижимо.

Полина, нужно было вообще не обращать на него внимания.

Я отворачиваюсь к доске и пишу первую тему.

– Итак продолжим…

Глава 2.

Марк Вершинин

С трудом сижу на предпоследнем ряду, закинув ногу на ногу, делаю вид, что мне смертельно скучно, будто я пришёл сюда просто отметиться, чтобы отец не устроил очередные свои разборки по поводу моего разгульнического образа жизни. Так-то оно так… Если бы не одно «но»…

На самом деле я не пропускаю ни слова. Ни одного чёртового слова…

Она стоит у доски, объясняет что-то, пишет какие-то формулы, скрипя этим ебучим мелком на всю аудиторию, от которых у половины группы уже глаза стекленеют, а у меня внутри такой пиздец, что я сидеть на жопе ровно не могу… Ёрзаю как дебил.

– Интеграл здесь считается так, – произносит она, и это должно быть сухо, по учебнику, но у неё выходит т-а-а-ак сексуально. Да, вот такое слово. Грязное, неуместное, но охуеть какое возбуждающее. Меня вставляет её строгая дикция, её осанка, её манера держать плечи. Она объясняет так, что у неё от зубов всё отскакивает, строго по правилам. И эти правила – её территория.

Где так научилась вообще, а?! В МГУ, что ли?

Я чуть наклоняю голову, прищуриваюсь, разглядываю её со стороны. Каков был шанс, а? Да так не бывает… Задница,

сиськи, тонкая талия… Охуенные длинные ноги как у модели. Белокурые волосы… Какая, в жопу, математичка, вы мне скажите?! Порно-звезда, сука.

Беспредел ебаный.

Но дело, походу, не только в этом. Дело в том, как она говорит. Как произносит «предел функции», а у меня стояк такой, который реально уже достиг предела этого стола, до самой стены достаёт, без шуток. Интересно, а где её предел? Будет ли он тогда, когда я нагну её над этим самым столом и трухну в её тугую попку? Или тогда, когда заставлю её сидеть между моих ног и полировать мои яйца, пока они не лопнут?

Ш-ш-ш… Бляяяя….

Группа шуршит тетрадями, кто-то зевает, кто-то уже смотрит в телефон под партой, ну а кто-то точно так же, как я пускает слюни на неё. А я смотрю на них и весь киплю. Ещё и моих пацанов с утра, как назло, нет. Кто-то, очевидно, подыхает с похмелья…

И когда она поворачивается к доске, чтобы дописать ещё одну строчку, я ловлю этот момент – секунду, когда её маска чуть-чуть съезжает. Почти незаметно. Только в том, как она на секунду сжимает пальцы на мелке, будто хочет его сломать. Она видит, как я на неё пялюсь и нервничает. Инфа сотка.

Пара заканчивается резко. Для меня даже слишком резко. Я бы хотел ещё… Просто сидеть и втыкать в неё своими двумя лазерами, представляя как прожигаю её блузку

дотла… Но все вскакивают, едва она успевает произнести «стоп-слово», собирают вещи, кто-то толкается в проходе, кто-то угорает, кто-то радуется, выдыхая на весь коридор «наконец-то». Но я не могу сказать того же самого, более того, я не двигаюсь. Застыл, как гепард перед прыжком… Жду пока аудитория опустеет, пока последние шаги не затихнут в коридоре.

Она стирает доску. Медленно. Тщательно, виляя своей попкой, обтянутой строгой юбкой до самых колен, но с небольшим разрезом сбоку, видимо для того, чтобы у Марка окончательно поплыл рассудок.

Когда в аудитории остаётся только её запах – не духи, нет, что-то другое, строгий, чистый запах, будто она пахнет офисной бумагой и рафом с кокосом, я встаю. Не спеша. Спускаюсь по ступенькам, будто реальный хищник…

Она слышит. Замирает с тряпкой в руке, не оборачивается. Стоит ко мне спиной, прямая, как струна. А мне кажется, сейчас повернется и начнёт меня этой тряпкой пиздить прямо по роже… Но я всё равно решаюсь на первый важный шаг.

– Не подтянешь меня? – спрашиваю и голос звучит ниже, чем обычно. Не как просьба. Скорее, как вызов. Я стою возле её стола и продолжаю пялиться на её сочную жопу. – Ты так здорово шпаришь. Я вообще-то не совсем безнадёжен, знаешь. Просто мне нужен кто-то, кто объяснит это не как в учебнике, а… более сладко… где-то даже с нежнятинкой.

Что скажешь?

Она резко оборачивается. Глаза – лёд. Но в этом льду трещинки. Я их вижу и ухмыляюсь. Ну, детка… Я сожгу тебя дотла…

– Вы охренели, молодой человек?! Держите дистанцию, – отрезает она грубо с лютым возмущением во взгляде. – И для Вас я Полина Сергеевна. На «Вы»! Понятно?!

Я усмехаюсь. Не потому что смешно. А потому что эта её строгость, как красная тряпка для быка. Она думает, что это сработает? Рили? А я вижу, что это броня, которую хочется снять. По одной застёжке… Медленно… Смакуя каждое движение…

– Ну правда… Чё ты жмёшься? Сколько тебе? На вид лет двадцать, но поскольку закончила и видно – практиковала, может, двадцать два. Я угадал? По-ли-на Сер-гее-вна, – повторяю, растягивая слоги, будто трахаю её имя. – Вчера ты… То есть Вы… Были такой милой вечером… Кто бы мог подумать, что лань бывает с клыками.

Она делает шаг назад, упирается бедром в стол. Пальцы сжимаются на краю, костяшки белеют. А скулы натягиваются.

– Ещё раз так меня назовёшь…, – говорит твёрдо и угрожающе, но голос чуть дрожит. Совсем чуть-чуть. Только тот, кто слушает внимательно, услышит. Она смотрит в ведомость. – Вершинин… Марк. – я рад, что она запомнила моё имя. Гыыы… – Я не собираюсь Вас ничему учить вне распи-

сания. Так что прошу покинуть аудиторию и впредь внимательно слушать меня во время пары!

Я делаю шаг вперёд. Не вплотную. Но достаточно близко, чтобы она почувствовала нашу разницу в габаритах и мой жар от её невъебенного запаха. Чтобы поняла, с кем имеет дело. Хотя она, походу, уже поняла… Потому что отшатывается назад. И вид у неё такой напуганный, будто думает, что я её насиловать собрался. Нахуй мне это надо. Сама прибежит. Ещё будет умолять меня ебать себя и не останавливаться.

– Из-за университетских правил, что ли? Или из-за твоего обруча на пальце? Так мы его быстро снимем, ты не бойся…

Она вздрагивает и вспыхивает, как петарда.

– Пошёл вон! – почти шипит. – Вон отсюда! И держись от меня подальше! Я в последний раз предупреждаю! Или будет плохо! Вынесу это на всеобщее обозрение! Никогда у меня предмет не сдашь, понял?!

Я беру со стола её ручку. Не чтобы спиздить, а просто чтобы коснуться чего-то, что принадлежит ей… Пластик холодный, гладкий, подношу к носу и нюхаю, прикрыв глаза. Она тут же дёргается, выхватывает её из моих пальцев, будто обожглась.

– Не трогай, – шепчет со злостью. – Извращенец, блин! Ненормальный!

Я улыбаюсь. Широко. Так, чтобы она поняла: её «нет» меня не останавливает. Наоборот, лишь распаляет… Знала бы она какой я извращенец на деле, охуела бы просто. Хотя,

может, ей бы и понравилось, кто знает… Вдруг под маской строгой преподши реальная порно-звезда? С такой-то внешкой я бы не сильно удивился… Везёт же тому, кто её поёбывает…

– Вечером ещё увидимся, – говорю, подмигивая, но так, чтобы она поняла, что я не шучу и не отстану. – Ты же моя соседка. Как я могу не заглянуть, если вдруг понадобится помощь с коробками? Или просто… приятно провести вечер, правда?

Она бледнеет. Буквально на долю секунды, но тут же сжимает кулаки.

– Вершинин, – цедит с угрозой. – На выход! Живо!

Я ржу, потому что разозлил её, разворачиваюсь, иду к двери, но на пороге останавливаюсь. Смотрю на неё через плечо. Она стоит у стола, сжимает эту ручку так, будто желает воткнуть мне её в зад… Способна, думаю, в порыве гнева.

– Увидимся, Полина Сергеевна, – повторяю спокойно и с радостью на устах. Она оборачивается и смотрит на меня. Молча, но с праведным гневом в глазах. Ебать, ну какая соска, а…

И даже несмотря на то, что отшила, я не унываю, потому что эта игра только начинается. И я не из тех, кто сдаётся, я из тех, кто действует до победного…

Глава 3.

Полина Жигалова

Дверь за ним закрывается обманчиво мягко до мурашек на моей спине и этот звук бьёт по моим оголенным нервам сильнее удара током. Я стою посреди аудитории, сжимаю в пальцах эту дурацкую ручку, которую он трогал, так, будто это и не ручка вовсе, а какая-то приблуда для взрослых, и чувствую, как по рукам ползёт мелкая, колючая дрожь. Сначала её почти не видно, а потом она подбирается к плечам, к горлу, заставляет зубы стучать друг о друга.

Даже ручку опошлил! Извращенец грёбанный…

Заставляю взять себя в руки. Я не имею права дрожать. Не здесь. Не сейчас. Но я дрожу. Потому что всё навалилось. Потому что этому нет конца. Потому что всё, чего я хочу преподавать и не сталкиваться с такими как он, чтобы ещё больше себя не травмировать. Особенно после всего того, что уже успело случиться в моей жизни…

Выдыхаю. Медленно. Считаю до трёх. Потом до пяти. Потом просто заставляю себя разжать пальцы. Ручка ложится на стол с глухим стуком. Я поправляю юбку… Не потому что она сбилась, а потому что мне нужно чем-то занять руки, нужно вернуть себе контроль над собственным телом. Делаю шаг, потом ещё один. Закрываю за собой дверь, проверяю дважды, это всё моё дурацкое неожиданно вспыхнувшее от

страха и волнения ОКР. Запираю кабинет за собой и за воспоминаниями об этом наглом избалованном мальчишке… В моём старом месте таких лбов не было, клянусь. Он крупный – раз. При первом знакомстве я даже не сразу смекнула, что ему всего-то… Сколько ему, кстати? Девятнадцать – двадцать? Ну что-то вроде того. Во времена моей учёбы вокруг таких парней не было однозначно… Поэтому я и подумать не могла, что он может оказаться моим студентом. И проблемой, к сожалению. Хотя бы перед моим мужем… Если продолжит в том же духе…

Коридор встречает меня привычной суетой: студенты бегут между парами, торопливо листая конспекты на ходу, пытаясь впихнуть в голову формулы за две минуты. Для них это просто день. Для меня – поле боя, где каждое движение должно быть выверено, каждый взгляд – нейтрален, каждая фраза – безупречна.

На кафедре всё привычно. Кофе из автомата – горький, слишком горячий, обжигающий язык, но я пью его, потому что он возвращает меня в реальность. Потому что реальность – это не дерзкие ухмылки и не мурашки от чужого голоса, реальность – это расписание, ведомости, методички, которые пахнут типографской краской и тоской. Реальность – это звонки мужа, а потом и ожидание того, когда он вновь вернется и внесет в мою жизнь «яркие краски». Я его ненавижу.

Он звонит ровно в полдень. Как по часам. Не потому что

соскучился. Потому что проверяет, как и всегда.

– Ты где? – голос в трубке звучит спокойно, почти ласково. Именно от этой ласковости у меня внутри всё сжимается в тугой узел. Ласковый тон у него всегда означает, что он уже всё знает. Или думает, что знает, и его не волнуют мои оправдания.

– На кафедре, – отвечаю ровно, стараясь, чтобы голос не дрогнул. – Готовлюсь к следующей паре.

Разве ему ещё не доложили?

– Смотри, чтобы только к паре, – усмехается он. – У тебя там студенты молодые, дерзкие… Не забывай, кто ты и чьё имя носишь.

Я киваю, хотя он не видит. Киваю, потому что знаю, что если не кивну, если отвечу хоть каплей той же дерзости, этот спокойный тон в секунду станет стальным. А потом будут последствия, как он любит это называть… И тогда мне придётся ходить на работу в свитере, очевидно…

– Я помню, – шепчу. – Не переживай.

– Вот и умница, – бросает он и отключается.

Телефон ложится на стол, как тяжёлый, холодный камень. Я смотрю на него, будто он вот-вот зазвонит снова, будто в нём прячется весь мой мир – такой несгибаемый снаружи и такой хрупкий изнутри…

Я должна сказать спасибо, что отпустил меня работать. Что покупает мне красивые вещи, о чём напоминает постоянно.

«Ты – моё лицо, Полина. От того, как ты выглядишь зависит моя репутация».

Будь проклят тот день, когда я пошла на всё это… Будь проклят тот час. Да я бы лучше сгнила в канаве тогда, чем это всё… Но теперь у меня нет выбора.

Следующие три пары проходят ровно. Спокойно. Без потрясений. Студенты слушают меня, ну, в большинстве… Кто-то, конечно, откровенно скучает, но во всяком случае, никто не бросает мне вызов. Никто не смотрит на меня так, будто хочет сорвать с меня одежду... И от этого почти хочется плакать – от этой серой, безопасной рутины, которая должна меня успокаивать, но вместо этого давит на меня неподъемным грузом. Потому что мне здесь в принципе не нравится… Когда ты чувствуешь, что ты лишь марионетка. Когда понимаешь, что каждый твой шаг предопределен хочется удавиться и только…

После ещё одной пары ко мне подходит Лариса, преподаватель по информатике – женщина лет сорока, с добрыми глазами и таким шлейфом духов, что я кашляю по итогу, потому что вообще не могу ими пользоваться… У меня сильная аллергия на подобные запахи. До удушья. Мой максимум – кокосовый спрей для волос.

– Полина Сергеевна, – улыбается она. – У тебя же уже была группа 311?

– Да, – киваю. – Утром…

– О-о-о, первый день и так не повезло, – она чуть пони-

жает голос, будто делится секретом, хотя в этом секрета нет ни на грош. – Уже успела познакомиться с ними поближе?

– С кем? – спрашиваю, хотя уже чувствую, как внутри всё сжимается.

– С нашей легендарной тройкой, – Лариса морщится, как от чего-то кислого. Будто целый лимон в рот затолкала. – Вершинин, Барсов и Галицкий. Ужас просто.

Фамилия «Вершинин» ударяет по голове, как молотком. Я делаю вид, что не замечаю. Что это просто фамилия. Что она не связана с тем мальчишкой, который только что стоял передо мной, нагло усмехаясь, и обещал, что мы увидимся вечером.

– Неуправляемые? – переспрашиваю, стараясь, чтобы в голосе не было ни дрожи, ни интереса. – И что, на них совсем нет управы?

Лариса пожимает плечами, наматывая шарфик, от которого так разит, на палец.

– Сложно сказать. Отцы у них, мягко скажем, неприлично богатые, а матери – скандалистки ещё те. И они думают, что мир автоматически им принадлежит. Как-то так. Самый наглый – Вершинин. Он сюда на «Бугатти» приезжает. Курит в здании, ведёт себя… ну, ты сама понимаешь. Очень аморально.

Я выпрямляюсь. Чувствую, как спина становится прямой, как струна.

– Ну, со мной такое поведение не прокатит, – говорю твёр-

до. – Я не собираюсь закрывать глаза на хамство только потому, что у кого-то толстый кошелёк.

Лариса смотрит на меня с лёгкой грустью, будто жалеет, что приходится мне это говорить.

– Хорошо бы, – вздыхает она. – Очень хотелось бы, чтобы хоть кто-то поставил их на место… Всё-таки у Вас тоже есть связи…

А-а-а… Так вот в чём дело. Я сглатываю и ухожу оттуда, сделав вид, что не заметила камня в свой огород…

И вот следующая пара. Длинный коридор. Я иду, стараясь не смотреть по сторонам, думать только о формулах, о теоремах, о чём угодно, кроме своего мужа и его скорого возвращения обратно домой...

Но коридор будто сжимается, воздух становится гуще, и я чувствую его даже раньше, чем вижу.

Не мужа. Марка.

Он зажимает какую-то девушку в углу между шкафчиками и стеной. Не просто зажимает – лапает. Грязно, нагло, пошло, так, будто ему всё можно. Его пальцы впиваются ей в талию, другая рука скользит по бедру, неприлично задирая юбку, он наклоняется, шепчет что-то ей на ухо, ведёт по скулам языком, и от этого жеста у меня внутри всё переворачивается – от отвращения, от ярости, от злости на его вседозволенность! Я будто вижу, как из таких вот богатеньких мальчиков вырастают точно такие же деспоты и абьюзеры, как мой муж. Зацикленные на патриархате и жестокости, где

женщина – лишь мясо, не более того.

Девушка смотрит на него широко раскрытыми глазами – не то испуганно, не то заворожённо. Как кролик перед удавом. И я не могу этого вынести. Не могу стоять и смотреть, как он ломает чужие границы, как превращает чужое тело в игрушку, а университет в бордель!

– Вершинин! – мой голос звучит резко, как удар хлыста. – А ну разошлись живо, пока я не написала жалобу ректору!

Он замирает. На долю секунды. Только на долю. А потом медленно, демонстративно лениво разворачивает свою тупую выбритую башку ко мне. Его глаза горят от азарта. Как у хищника, который почуял опасность, и это его только раззадоривает.

Дьявольская ухмылка ползёт по его губам. Он не убирает руки. Просто чуть ослабляет хватку, ровно настолько, чтобы девушка могла выскользнуть из его объятий. Она стыдится, когда видит меня.

– Беги, солнышко, – шепчет он ей на ухо. Голос мягкий, почти ласковый. Но в нём столько яда, что даже мне становится не по себе.

Девушка вздрагивает, хватает сумку с одного из шкафчиков и убегает прочь по коридору, не оглядываясь.

А вот он, конечно же, остаётся. Смотрит чётко на меня. Облизывает свои губы.

– Уже ревнуешь, моя ненаглядная? – бросает он, растягивая слова, будто пробуя их на вкус… – Быстро ты. Иди сюда,

пупсик, поговорим по душам… Ты обязана заменить мне ту, которуютак нагло спугнула…

Глава 4.

Марк Вершинин

Бля… Да от неё буквально искры летят. Воздух между нами звенит, натянутый, как струна на дешманской гитаре, которую кто-то слишком неумело юзает в своих липких ручонках.

Её зелёные глазища сейчас просто прожигают меня насквозь, уничтожают всю мою привычную беспардонность одним только взмахом ресниц. Ну чё за бестия, а? Где такую сделали и почему я не встретил её раньше. Была бы одногруппница, я бы её уже давно, нахрен, нагнул… во всех позах бы, блядь, поимел. Во все дырки…

Но Вселенная – подлая сука, решила подложить мне непростую задачку похлеще этих её интегралов и производных… Она мне с утра мерещилась с этой хуйней, слетающей с уст… А тут…

В них столько злости, что мне даже приятно. Не потому что я люблю, когда на меня орут. Этого мне и в жизни, блядь, от отца и матери достаточно. Просто эта злость – настоящая. Не поддельная, не ради галочки, не чтобы просто казаться строгой. Она в эту секунду не преподша…

А такая сладкая стерва, от которой у меня звенят яйца…

– Детка, да у тебя сейчас огонь изо рта полезет, – усмехаюсь с привычной мне язвительностью. А внутри всё гудит,

как перед грозой. Хочу. Её. Ебать. Желательно уже сегодня вечером. – Релакс. Ты сейчас взорвёшься, и мне придётся собирать тебя по кусочкам… Я, конечно, не против групповушки. Но хотелось бы с цельной тобой…

Она даже не моргает. Ща внатуре лопнет – слишком правильная. Стоит прямо, пиджак застёгнут на все пуговицы, будто это её доспехи, блядь, ёбанная кольчуга.

– Живо иди на свои пары, – чеканит она каждое слово, как будто вбивает в меня гвозди. – И чтобы я больше тебя за такими занятиями в таком виде не лицезрела!

Я чуть наклоняю голову, рассматриваю её. Эти блядские ведьмовские зелёные глаза. Тонкие, сжатые губы, хотя в расслабленном состоянии они очень даже пухлые, я же видел, как она держала ими сигарету.

– А я хочу тебя лицезреть, – тяну, растягивая слова, и пытаюсь не заржать, чтобы, откровенно говоря, не сразу спалить свои намерения. Но у меня так дерьмово получается. Я же весь как на ладони. Она меня, походу, уже раскусила… – По несколько раз на дню. И не только в таком виде. Можно раком.

Думаю, что ударит. Ну хотя бы влепит пощёчину!

Но она даже ухом не ведёт. Ни намёка на смущение, даже не дрожит. Просто смотрит на меня так, будто я – харчок на полу, который обходят стороной за километр. И это меня бесит. Потому что я привык, что на меня реагируют. Привык, что особи женского пола ведутся и на фамилию, и на котлы.

А эта… она будто знает, что я беру её на понт. Что это моя обычная игра. И она не собирается в неё играть.

– Ты сейчас такой борзый, – произносит спокойно, с усмешкой на устах. – Но я с такими, как ты, уже сталкивалась. Знаешь, что особенно приятно наблюдать?

Хочется ответить «жги», но я хочу довести её до истерики.

– Как такие, как я, нагибают Вас в пустой аудитории?

И тут она неожиданно смеётся. Издевательски. Будто по нервам наждаком проехалась, сучка.

– Как много гонора. И самомнения, мальчик, – продолжает она, и голос её становится мягче, однако это обманчивый манёвр. – Особенно приятно смотреть на то, как под конец семестра вы плачетесь о том, что родители больше не хотят заправлять вашу машинку и оплачивать вам счета, потому что вы не сдали экзамены. А потом нагибают как раз вас в этой же аудитории с ремнём в руке, пока вы плачете навзрыд!

С-с-сука… Кулаки сжимаются непроизвольно. Ну какая же горячая сука. А попала то в самое больное место, о котором знают немногие. О том, что мой отец готов отказаться от меня в любой момент моей жизни, как от неудачного черновика, словно мама способна родить ему ещё. Наверное, если бы могла, я бы точно стал запасным ребёнком. Но хвала яйцеклеткам или сперматозоидам, не знаю, чему именно, что я с этим никогда не столкнусь. Я один. И этим всё сказано.

Стискиваю челюсть. Чувствую, как зубы скрипят, как мышцы на шее напрягаются. Делаю шаг вперёд. И да – чтобы

напугать. Чтобы обозначить ей место и немножечко отвести ракурс от моей персоны, а то ведь она нарочно всё это. Давит моей неполноценностью… Как будто сама из себя дохуя представляет… Ну-ну посмотрим.

Она делает шаг назад. Но, кажись, не потому что боится. А потому что знает, что если мы будем стоять слишком близко, эта искра между нами вспыхнет и сожжёт, нахрен, всё вокруг, включая нас самих.

– Да не бойся ты, снежинка, – наклоняюсь к её уху, шепчу так, чтобы слышала только она. Голос звучит ниже, чем обычно… Хочу, чтобы расслабилась, а то ведь вся напряглась. Аж плечи каменные. – Посмотрим, кто кого в итоге нагнёт, ок, сладенькая?

Она зыркает на меня строго. В её взгляде – предупреждение. Мол, не переходи черту, мальчик. Но в этой строгости я вижу и другое. Ту самую усталость, которую она так старательно прячет. Уязвимость, которую никому не показывает. Интересно даже, чё там за экземпляр такой, что смог завоевать такой пирожок с верхней полки… Завидую, сука…

Мы всё ещё стоим друг напротив друга, как два хищника, которые ещё не бросились хавать друг друга, но уже чувствуют запах крови.

Потом она вдруг резко разворачивается и уходит, цокая каблуками по полу и виляя своей жопой. А я смотрю. Вот хули бы не посмотреть? Слишком хороша, чтобы хотя бы визуально её не трахнуть…

Как держится, а… Как гарцует… Невозможная просто.

А когда она исчезает за поворотом, я наконец-то выдыхаю… Будто марафон пробежал, нахрен, от этой словесной перепалки… Поправляю ворот своего грёбанного пиджака, провожу рукой по волосам, пытаюсь вернуть себе эту привычную расслабленность. Но она не возвращается. Внутри всё ещё штормит в разные стороны…

На улице меня уже ждут кенты. Барс и Галицкий стоят у крыльца, курят, смеются втыкая в телефоны, когда я подхожу… Вчера на тусе после часу их уже не видел. Хз куда съебались…

– Ты чё был на первой паре? – смеётся Барс, выпуская дым.

– Был, папаша бы наехал, как обычно, пришлось тащиться, – достаю свою пачку. – Вас где носило?

– Говорят, там такая краля… – Галицкий улюлюкает и высовывает язык. Падла, а. – По описанию я б её вздрючил.

– Блядь, – отрезаю резко, даже сам не понимаю, откуда столько злости. – Занято, нахуй.

Парни переглядываются. Потом начинают ржать. Громко, заливисто, так, что даже девки оборачиваются.

– Хах, – Барсов толкает меня локтем. – Викуля чё, в отставке снова?

Я пожимаю плечами. Делаю затяжку, чувствую, как дым обжигает всё внутри, но на удивление вдруг становится легче…

– Да, заебала, – бросаю небрежно, и парни снова переглядываются. Знают, что когда я так говорю, лучше не лезть.

Они продолжают ржать, нести всякую дичь, ну что-то по факту, конечно. Если о чём-то с ними можно побазарить, то о тачках и тёлках. Но только не об этой конкретной. У меня гиперфикс. Стою, курю и смотрю куда-то в пустоту. В голове она. В планах она. Да, блядь, везде, сука, теперь она! Чё за гон вообще… Здесь буду игнорить её дисциплину, так напротив дома всё равно буду видеть…

И похуй мне чё она там сказала про экзамены. На первом курсе же сдал и теперь сдам. Не проблема… Тоже мне, нахер, самая умная нашлась…

Но сейчас… сейчас у меня есть время. И у меня есть цель. Эта строгая, неприступная, недоёбанная женщина с зелёными глазами, которая смотрит на меня, как на пустое место. И я хочу, чтобы она смотрела на меня иначе. Может даже из-под склеенных моей спермой ресниц… Аж внутри всего скукоживает. Моё долбанутое воображение никогда не даёт мне существовать нормально! У меня так с самого детства было. Захочу чё и всё, блядь… Ни влево, ни вправо… Только это. Марк, сука!

– Ты чё каво дёргаешься так… – замечает Галицкий. Он же Петруха. Он же наш неуравновешенный ботан-программист, которого большинство тёлочек за это и любит. Он помогает им сдавать экзы. Но я один хрен привык называть его по фамилии.

– Нихуя…

Тушу окурок, швыряю его на землю, шоркаю белоснежным кроссовком. Поворачиваюсь к ним.

– Чё погнали отсюда, а… Побухаем у меня, заодно уберемся немного…

– Бля, братан, не, я пасс…

– Вот ты гнида, а… Как срать, так ты первый. Бабки гони тогда.

– На чё, блин?! – бесится.

– На клининг. Весь дом мне ушатали… Кто-то ещё и блеванул в фонтан…

– Бляяя ахахахха, – ржёт он, достав нал. – На… – отстёгивает несколько купюр, но я выдёргиваю ещё. Ибо нехуй. Хата была моя. Выпивка моя. Я не собираюсь платить ещё и за разгром, который они учинили.

– Давай, нахуй, сюда… То-то же… – толкаю бабки в карман, и ненароком смотрю наверх какого-то хрена, будто кажется, что капля дождя упала прямо на темечко… И фигура в окне второго этажа на знакомой мне от и до кафедре тут же шевелит жалюзи, скрывшись из виду, пока я ухмыляюсь…

Детка… Куда же ты от меня теперь денешься, а? Я везде тебя достану, как от меня не прячься…

Глава 5.

Полина Жигалова

Смотрю на него сверху из окна кафедры и пальцы деревенеют. Особенно когда он видит меня, и я как дура прячусь за жалюзи, надеясь, что он не заметил этого. Хотя его донельзя смазливая тупая рожа уже сказала мне об обратном. Полина, ты дура! Минимум общения. Сократи до невозможного. Чтобы вообще было не за что зацепиться. Потому что, если Володя хоть что-то увидит, срать ему будет на твои жалкие попытки его отбрить, он тебе такое устроит, что ты вечно будешь дома на горохе стоять.

– И как Вам у нас, Полина… – спрашивает мужской голос напротив, и я мгновенно напрягаюсь, хорошо, что Лариса на чеку. Тут как тут. У меня вообще ощущение, что она приклеилась ко мне. На каждом перерыве ходит рядом, садится бок о бок, хотя моим куратором её никто не назначал. К слову… Совпадение? Не думаю…

– Полина Сергеевна, Виктор Эдуардович, не забывайте…

– Да, да… Я что-то просто не запомнил, Лариса Дмитриевна…

– Конечно, – ухмыляется она, но я уже понимаю, что здесь происходит… Имеем в виду, при Ларисе ничего личного. Ничего, что могло бы меня дискредитировать. Видно, что человек она небеспристрастный…

Так что… Придётся терпеть и улыбаться.

Неожиданно мой телефон издаёт звук. Там высвечивается сообщение об ухудшении погоды. Штормовое, ветер 25 м/с, и я хмурюсь. А Лариса тем временем нагло лезет в моё пространство, чуть ли не изучая экран моего телефона, который я тут же отворачиваю от её любопытных глаз.

– Всё понятно в ведомостях? – спрашивает, отвлекая моё внимание. Я бы сейчас ей высказала, но лучше наедине. А то ведь здесь люди.

– Да, конечно. Я с ними на «ты».

– Это здорово… Сколько у Вас ещё пар?

– Одна и домой…

– Может Вас подвести? – тут же предлагает тот же самый мужчина, заставив меня застыть столбом и закашляться. Что это вообще такое?! Он что тупой? Вроде бы на вид интеллигент такой, а ведёт себя, как тот же Вершинин. У меня кольцо на пальце, если что…

– Эм… Я на машине вообще-то… И мой муж такое не одобрит. Так что нет, благодарю…

Она пучит на него глаза, а я тут же стремлюсь убежать оттуда подальше, чтобы вообще не участвовать в этом дурдоме…

Похотливый придурок сейчас курит, поэтому я могу спокойно дойти до своей аудитории, закончить и…

Н-н-нет… Твою мать…

Только я подумала, что мне повезло, как стук моих каб-

луков перебивает мужской гогот на фоне полупустого коридора. Он идёт напротив меня со всей своей этой святой троицей и лыбится… Господи, пусть в него ударит молния, прошу!

А они все… Чего так смотрят? На мне всё застёгнуто. Всё прикрыто. Макияжа просто минимум. Так что, спрашивается, надо?! Почему я чётко ощущаю на себе неприлично грязные взгляды и намерения?!

Едва прохожу, как слышу…

– Кыс, кыс, кыс, – прямо в спину. Как же избито, а…

Я даже не оборачиваюсь, иду дальше. Хотя примерно понимаю, какого эффекта этот псих хотел добиться. Одного не понимаю, и что им реально это всё с рук сходит? А если я скажу его отцу? То что тогда будет? А?

Заворачиваю за угол и прислушиваюсь к собственному сердцу. Ну на секунду забилось чаще, а как иначе? Перед такими орангутангами. В целом, кажется, показатели держатся нормально… Пару-тройку недель игнора и ему вообще надоест до меня докапываться. Надеюсь…

Хорошо, что последняя пара проходит в спокойствии. На удивление, пятый курс намного адекватнее. Люди разумные в отличие от этого австралопитека. Понимают, что впереди дипломные работы. У кого-то даже по моему предмету… А именно по узкой его направленности «Функционального анализа». Ненадолго мне приходится задержаться. Буквально на семь минут, если быть точной, чтобы подправить од-

ному из студентов кое-что из представленного материала…

Но только-только я собираюсь выходить из здания, как мне звонит Володя. Я уже напрягаюсь… Автоматически. Каждый его звонок выбивает меня из душевного равновесия.

– Да…

– Доработала?

– Да, иду к машине… Как Инга? Из клиники не звонили?

По правде говоря, это всё, что меня интересует. Только моя старшая сестра. Когда-то она обращала на меня больше внимания, чем родная мать. И значит она для меня гораздо больше. По сей день…

– Звонили. Всё нормально. Сделали диализ…

– Хорошо… Боже, хорошо. А когда можно позвонить?

– Сказали не раньше, чем завтра.

– Поняла. Буду очень ждать этого момента. Ты дашь отмашку?

– Дам… Полина… – кашляет он, будто хочет ещё что-то сказать.

– Что?

– Ну как тебе первый день?

– Нормально всё…

– М… И никто не приставал?

У меня ком к горлу подступает.

– Нет. Почему ты спрашиваешь?

– Да просто так… У меня тут… Проблемка нарисовалась одна…

Боже, хвала небесам! Пусть он останется там ещё на неделю, молю!

– И что это значит?

– Я приеду не раньше, чем через трое суток… – отвечает, и у меня с плеч падает такой груз… Трое суток я не буду его видеть… Слышать его упрёки, обвинения и ревность… Не знаю, что за подарок такой и кому я обязана, но порой я так надеюсь, что у него появится любовница, и он просто отстанет от меня… Но, к сожалению, думаю, что даже если это случится, он никогда меня не отпустит. И никогда не поможет Инге просто так…

– М-м-м…

– Не слышу горечи в твоём голосе, сахарная моя…

Ненавижу, когда он меня так называет. Аж челюсть сводит.

– Я расстроена, правда. Просто устала…

– Что будешь делать?

– Коробки разгребать, вчера ещё много осталось… – отвечаю я тонким голосом, и он вздыхает.

– Не перенапрягайся. Приехал бы и разобрали…

Боже, какая забота.

– Хотя руки заняты делом – тоже хорошо… Соседей каких уже встретила?

Как чувствует. Это меня в нём всегда больше всего пугало… Но если скажу, что вчера курила во дворе с каким-то парнем… Я даже думать об этом не хочу.

– Нет… Каких соседей? – спрашиваю с осторожностью. – Я же ночью почти приехала…

– Ну мало ли утром…

– Нет, Володя. Никого пока…

– Ясно. Ладно, Полина. Будь аккуратнее за рулём. Я на связи. Через часа два позвоню.

– Хорошо, – кладу трубку и выдыхаю от напряжения. Аж в ушах звенит. То чувство, когда разговор проходит более-менее спокойно, хотя даже не рассчитывал на это. Но я правда рада, что у него нормальное настроение…

Сажусь в машину, пристёгиваюсь, только-только начинаю выезжать с парковки, как дорогу мне преграждает чёрный дорогущий спорткар. Подрезает меня так, что у меня дыхалку сжимает. От страха я впиваюсь пальцами в руль. Чуть в него не въехала. А потом окно открывается и оттуда показывается его довольная морда.

– После Вас, Полина Сергеевна! – выкрикивает он, и я тут же давлю на газ, пока он снова не делает то же самое. Урод. – Ну что же Вы такая нерешительная? – издевается, и мне хочется его прибить…

Только я уже боюсь ехать… Просто боюсь, потому что если врежусь в него, такая тачка обойдётся мне очень дорого… И дело даже не в деньгах…

Поэтому я просто стою там и жду, когда этот идиот уедет…

Но этот идиот не уезжает и более того включает какой-то

тупой пошлый трек на весь двор универа…

Глава 6.

Марк Вершинин

Я ржу…

Потому что она сейчас взорвётся. Я её специально в такое положение поставил… Хотя хотелось бы в другое, конечно. Но у неё и так щёки все красные… Препода выбегают на улицу прямо на фоне моего трека.

«Если вдруг твоя девушка мечтает, чтобы кто-нибудь ей вставил, значит, ты обычный ламер. Ей нужен настоящий парень, чтобы как следует жарил, с неплохим размером гениталий» (с) Kempel.

После этих слов, разносящихся на всю округу, я не прекращаю палить в неё глазами и представлять её голой.

– Что здесь происходит?! Вершинин! – орёт Лариска на всю улицу, и я открываю окно, глядя на них из-под солнцезащитных очков.

– А Вам не нравится, что ли? Решил устроить небольшую вечеринку… Полина Сергеевна вон оценила уже… – ухмыляюсь, а потом вижу, что сюда шурует ещё и зав кафедры. Такая противная бабёха, что меня от неё тут же в дрожь бросает. Она моему папеньке уже раз пятьдесят жаловалась на моё поведение.

– Вершинин! А ну отъехал быстро и выключил этот срам! – она наезжает на меня, и я закатываю глаза, убавляя гром-

кость до минимума. Такие скучные – я ебал. Душнилы…

– Всё? Все довольны? – переспрашиваю, и она указывает пальцем назад.

– Отъехал!!! – повышает голос.

– Так-то я ей помеха справа, если что…

Поэтому она и не едет. Ха-ха! Я её тупо зажал…

– Отъехал, я сказала! – снова рычит на меня Леонидовна. Стерва, а…

– Ладно… Чего только не сделаешь ради красивой женщины, – ухмыляюсь, глядя на Полинку, которая сжала руль так, словно сейчас его оторвет. И как только я отъезжаю, она, даже не попрощавшись ни с кем, тут же топит вперед, вдавив педаль газа в пол и прорычав своей Кией, словно жигулями.

– Вершинин… – продолжает гнать заведующая, но я уже закрываю окно.

– Сорри, мне пора, – бросаю напоследок под ругань и возмущенную жестикуляцию. Выезжаю за своей, словно метеор. Ну куда ей с таким-то движком… Она знает, что я за ней еду… Я вот аккурат прижался к её попке. То ли ещё будет, детка… Я и к твоей очень скоро прижмусь…

На каждом светофоре она, разумеется, останавливается, и смотрит на меня через боковое зеркало… А я на неё. Отправляю ей воздушные поцелуйчики. Пусть знает, что я за ней хоть на край земли, лишь бы ноги раздвинула… А там уж посмотрим. Стоит ли игра свеч вообще.

До дома мы доезжаем минут за двадцать. Хотя тут рассто-

яние смешное. Она психованно выходит из машины, чтобы открыть ворота, пока я стою напротив и смотрю на неё, не торопясь открывать свои…

– Как жаль, что у вас не с пульта открываются, – ухмыляюсь в окно, нажав кнопку в телефоне и мои издают громкий звук. – Но зато я снова увидел тебя воочию…

– Заткнись.

Хах…

– Ветер усиливается. Чувствуешь?

Она больше не реагирует. Садится в машину и громко хлопает дверью. Так, что я аж морщусь… Мою бы так хлопнула, сутки на коленях бы простояла… Её тачка тут же скрывается внутри, и ворота так же быстро закрываются, спрятав её от меня за двухметровым забором…

С-с-сука… Как же тебя выманить-то, а… Рапунцель, ёпту, недоделанная!

Иду домой, через полчаса встречаю клининг. Они тут же рассредоточиваются, чтобы убираться, кто на территории, кто в доме, а я хожу весь нервный и не знаю куда себя пристроить. Она мне все мысли заняла… От и до…

Телефон звонит уже в восемнадцатый раз, а на экране я вижу «Киса». Меня мотает. Ебаться хочу знатно… Но хочу с кем-то конкретным. Кажется, впервые в жизни. Оказывается, недостижимое так манит. Грёбанное Адамово яблоко во плоти.

– Да…

– Ты издеваешься?! – звучит вопль Викули в ответ.

– Нет.

– Марк… Что это за фигня?! Что за тёлка там с тобой опять была?

– Ну не начинай, а… У меня голова гудит, малышка…

– Сейчас не так ещё гудеть будет… Ты офигел?! Ты так меня опозорил…

– Ты душнишь просто… Сама не приехала. Чё мне было делать? Ну прости меня…

Она там дышит, как разъярённый дракон в трубку.

– Ну кисааа… Кисаааааа…

– Я не могу с тобой говорить…

– Нахер тогда звонишь?

– Марк, ты… – начинает шмыгать носом.

– Извини. Всё норм… Проебался, знаю. Виноват… Хочешь – приезжай…

– Я болею…

– Чем, блядь? Если не поносом или СПИДом меня это не касается, – ржу я в ответ, а она бесится.

– Ты когда-нибудь вообще за меня переживаешь? У меня ангина, алё!

Точно, она же говорила…

– А у меня иммунитет кайфовый… Ну говори. Приедешь – нет?

– Нет, сегодня не смогу…

– Ладно… Тогда сюрприз лови, – говорю, перекинув ей

на счёт пятнашку. Она тут же меняет свой тон… Что и следовало доказать. Сразу довольная, радостная и про ту тёлку моментально забыла, словно её и не было.

– Это чтооо…

– Ну на ногти тебе… Или чё ты там делать хотела…

– Спа-си-бо… – мурчит ласково в ответ.

– Ага. Я пошёл, мне за клинингом закрыться надо… Дом уделали…

– Ну вот. Больше не зови никого, кроме меня…

Пф… Хахахахах. Хочется заржать в трубку, но я держусь. Не хочу мотать себе нервы и сраться с ней. Себе дороже. Тем более, что я вину уже загладил и стоило мне это дешевле, чем букет…

Прощаемся и я спускаюсь, чтобы расплатиться… Родаки не видят мои операции по налу. Только с карты. Да и они в принципе не против, когда я радую Вику, потому что… Ну потому что это якобы должно показать меня со стороны будущего главы семейства… Бла бла бла…

В общем, не важно. Они всё надеются, что я стану другим.

А я точно не стану.

– Спасибо… Будто ничего и не было, – ухмыляюсь, когда работники кивают, забирают деньги и удаляются, оставляя за собой сияющие полы и чистую воду в фонтане во дворе. И я иду закрыть за ними ворота…

Фургон уезжает, а я слышу громкие звуки напротив. Прислушиваюсь и понимаю, что там за воротами что-то проис-

ходит… Что-то интересное, но не лезть же туда теперь в самом деле…

Я просто выхожу на улицу… Перехожу дорогу и становлюсь под забором… Щель в двери слишком мелкая, но она хотя бы есть, чтобы разглядеть её территорию…

И как только я это делаю, она открывает калитку с топором в руке…

Блядь. С топором, сука!

Мне, походу, хана…

*Максимальная скидка на офигенную дилогию о сводных «Подонок. Ты – моя игрушка» и «Сердце подонка» - https://litnet.com/shrt/ZoAJ, https://litnet.com/shrt/386Q

Молодежный любовный

Это как вообще называется?! После двадцати лет брака повести себя как тупое животное, выгнать маму и привести какую-то шваль в наш дом?! Да ещё и с прицепом?!

Не… Я этого так не оставлю, точно.

Сестра, значит?! Надеюсь, ты понимаешь, старик, какую ошибку только что совершил…

– Громче, хомяк, кричи громче, потому что, если хочешь выйти отсюда живой, лучше постараться…

– Думаешь, я боюсь тебя, дорогой сводный братец? Ошибаешься! Не на ту напал!

– Ну, давай. Показывай на что способна, раз раскрыла свою поганую варежку, пока я чем-нибудь её не заткнул…

Глава 7.

Полина Жигалова

Из-за сильного ветра назойливая ветка долбила в окно так, что я не могла ни на чём сосредоточиться… В доме особо ничего не было. Только этот топор… Вот я и пошла на улицу, чтобы её отрубить, хотя… Я обычно очень бережно отношусь к деревьям и другим растениям, но… Сегодня он выбесил меня так, что любой лишний звук раздражал до белого каления…

И когда я наконец ломаю её, выкинув в бак, я вдруг слышу какие-то звуки за воротами. Будто кто-то ходит, шуршит… Подхожу к крыльцу, врубаю экран камер и вижу этого придурка, который стоит и подслушивает, пытаясь разглядеть что-то в щели между забором и калиткой. У меня чуть сердце не останавливается от страха.

Я тебе сейчас покажу, как лезть в чужие дома… Псих! Сталкер проклятый!

Открываю дверь с топором в руках, а он вздрагивает, попятившись назад. И рожа такая удивленная, словно реально обосрался. То-то же.

– Воу… Слышь, полегче… Я понял…

– Пошёл отсюда живо, пока я полицию не вызвала! – поднимаю топор в руках, а он ржёт и застывает на дороге, глядя на меня.

– Вот ты отбитая-то, а… Зарубишь меня?

– И зарублю, если понадобится! Иди давай, Вершинин! И не суйся в чужие дома!

– А ты чё одна, да, сегодня? Где твой муж? Какого хрена тут с топором наперевес бегаешь?

– Я тебя в последний раз предупреждаю… Моя жизнь – не твоего ума дело. Занимайся своей! Всего доброго! – захлопываю дверь, и тут же прислоняюсь к ней спиной, выбросив топор в сторону. Аж руки вспотели…

Придурок, блин, малолетний…

– Снежинка, ну чё ты такая жестокая, а?! – доносится со двора. – Чё мне сделать, чтобы ты снизошла до меня?

Возвращаюсь в дом… Где стоит тишина теперь. Приятная невозмутимая тишина… Я завариваю себе кофе и приступаю к разбору вещей, потому что это хоть как-то меня успокаивает. Не знаю, что делать. Когда Володя вернется, это может стать серьёзной проблемой. Потому что хоть один грязный намёк со стороны этого глупого ничего не внимающего мальчишки, хоть один скандал и вся моя жизнь пойдёт крахом. Я не выдерживаю…

Через несколько секунд понимаю, что держу в руках свой диплом и чуть ли не продавливаю ему корочку… От нервоза. Затем продолжаю разгребать остальные свои документы и снова слышу звонок телефона…

– Привет, – холодное.

– Привет, я дома, разбираю вещи… – отчитываюсь, как

привыкла.

– Ясно.

– У нас штормовое…

– Телефон зарядила?

– Ещё нет. Сейчас поставлю.

– И правильно. Хрен его знает, какие там линии…

– Угу… Володя…

– Что?

– Когда я смогу поехать к сестре?

На том конце провода молчание.

– К сестре? Или к тому уёбку из универа?

У меня скрипят зубы…

– Боже, Вова… У нас не было ничего.

– Сука… Ещё раз скажешь слово «нас» в контексте с ним…

– Я не это имела в виду. И ты знаешь… У меня ничего с ним не было, повторяю. Я хочу увидеть Ингу.

– Ей занимаются. Это всё, что должно тебя волновать. Созвонишься скоро…

Я выдыхаю, потому что он не понимает. Родители моего мужа ледяные своенравные люди, которым плевать на всё кроме денег и… К сожалению, он вырос именно таким… А меня и подобных мне он называет «потребителями». И если вы думаете, что в самом начале он был другим, то нет, не был… Он ухаживал за мной достаточно долгое время… Я бегала от него, пока училась в универе, а потом… Сестре

стало хуже – муковисцидоз вещь ужасная, из-за него начался билиарный цирроз печени и ей нужен постоянный уход – диализ, ингаляции. Денег не было. Мать пила, ну и… Вот к чему это привело. К моему браку по расчёту, где меня ни во что не ставят…

Однако выбора нет. Деньги там сумасшедшие. А вскоре может понадобиться ещё и операция…

– Я пойду и дальше разбирать вещи…

– Поговорить со мной не хочешь, сахарная? – спрашивает и я только сейчас слышу, что он снова выпил. – Соскучился по твоему запаху…

У меня от этих слов неприятные мурашки. Секс с Володей у меня вызывает страх и больше ничего… Даже отвращения уже как такового нет. Хотя если честно… Лысые папики меня никогда не привлекали. Из уважения первый год я подстраивалась… Не могла с ним спать, и приходилось украдкой смотреть какие-то видео в сети или трогать себя, распаляя до нужной отметки, чтобы не было хотя бы больно…

А потом и это ушло… Он начал бить меня за то, что не текла. Раздражался. Называл «дешёвкой» и «продажной дрянью». Я терпела… И терплю. Мечтаю, чтобы он стал импотентом… С количеством алкоголя, который он ежедневно жрёт это вполне ожидаемый исход событий, но…

Увы. Пока ни этого, ни любовницы… Хотя, может, она и есть…

Тогда хочется сказать ей «спасибо», что берет на себя хоть

часть моих функций.

– Чё ты молчишь, Полина…

– М… Я тоже по тебе соскучилась… – отвечаю на автомате, ощутив его хватку у себя на горле. Это ужасно, но я реально её чувствую. Как ошейник. И с каждой секундой разговора с ним он давит всё сильнее…

– Приеду, не выпущу тебя никуда. Отгул возьмёшь…

Я молчу… Да и что сказать? Любые мои «нет» не воспринимаются. Вообще…

Единственный вариант – сказать, что месячные. Стыдно признаться, но порой приходилось делать это, когда было совсем невмоготу. Он дико брезглив, поэтому один вид прокладки на мне, вызывает у него отвращение. Только так и прячемся… Только так.

– Как же ты раздражаешь меня своим грёбанным молчанием, а… Живая ты вообще, нет?! Или как твоя ебучая сестра на волоске от смерти?!

Эти слова не просто меня убивают. Они заставляют меня так сильно его ненавидеть, что хочется перерезать ему глотку во сне…

Я открываю окно и дышу, чтобы не расплакаться в трубку. А он всё нагнетает и давит, как привык. Потому что если начал, он просто не способен остановиться.

– Отвечай, Полина!

– Я живая, Вова…

Но порой хочется сказать, что жалею об этом… Что хотела

бы сдохнуть первой. Уже давно…

– Отдыхай, короче. Приводи себя в порядок перед завтрашним рабочим днём, – и сбрасывает звонок.

Только тогда я начинаю плакать… Даю волю слезам, которые текут с такой силой, что смывают мне весь макияж, как проточная вода…

Я чувствую холод по плечам… Но трясёт меня не от этого… Если бы ненависть могла быть материальной, я бы чувствовала её как кинжал в своём сердце.

Поднимаюсь на второй этаж, понимая, что не закрыла форточку и оттуда пошёл сквозняк, когда я открыла её на первом… Ветер дует страшный и немного накрапывает дождь…

Я тут же иду закрыть и…

Замираю, увидев Марка, стоящего напротив у окна своей спальни…

Глава 8.

Полина Жигалова

Он меня не видит… Точно не видит…

Я стою, спрятавшись за шторкой, как какая-то малолетняя идиотка, и не отхожу, потому что если начну шевелиться, он может увидеть тень от окна, и тогда будет ещё палевнее. Он подумает, что я за ним смотрела. Поэтому я просто контролирую, что он там делает. А он, по всей видимости, тоже открывал окно, после чего просто остановился там и начал пялить на мой дом, как сумасшедший. Хотя по такой логике я тоже сумасшедшая. А мне это не подходит…

Просто совпадение…

Сердце из груди вырывается. Этот разговор с Володей и так буквально выжег мне изнутри каждое нервное окончание… Я еле дышу. Так ещё и этот приковал взглядом к полу…

А потом это чудовище начинает раздеваться… Медленно расстёгивая рубашку на своём теле. И я смотрю на него. Смотрю как дура. Хотя надо бы реально упасть на пол и спрятаться там… Но нет.

Почему я вообще должна прятаться, правда? Я – взрослый человек! И почему должна убегать отсюда, если он сам раздевается? Это его желание? Ок… Я посмотрю…

Какого чёрта я вообще творю?

Рубаха спадает с его широченных плеч, и я вижу загорелое накаченное тело напротив. Даже кажется, что слепну, нафиг. Это что за мышцы вообще такие на животе, а?! Как они называются? От паники тут же падаю вниз и обнимаю собственные ноги, прижавшись к стене…

Раз – два – три… Полина, не дури, а…

Вылезай и уходи отсюда…

Только вместо этого, чтобы сохранить остатки гордости я ползу по полу к двери, как дурочка… Лишь бы он не увидел меня ни с какого ракурса. Ни меня, ни мою тень… Ни что-либо ещё. Подумаешь, подсмотрела одним глазом. Сам виноват… Я не собираюсь это всё никак комментировать.

Наконец доползаю до коридора, встаю, отряхиваюсь, думая, что уже точно словила шизу с этим сумасшедшим студентом.

И иду мыться… Только в ванной удаётся расслабиться. Вспоминая слова Вовы проплакаться так, что сижу под струями до тех пор, пока вода не становится холодной… Закутываюсь в халат. Надеваю на голову полотенце и выключаю везде свет, едва отметка часов достаёт до десяти…

Ветер продолжает шуметь… Я ставлю телефон на зарядку, потому что у меня всего пять процентов и тут же погружаюсь в сон…

***

Глаза продираю от яростного стука по металлу… Понять не могу, что происходит. Чуть в обморок не падаю. Сползаю

с кровати, открываю окно и смотрю вниз, откуда ловлю фигуру этого неадеквата.

– Ты вообще русский язык не понимаешь, да?!

– Проспала, детка… Просыпайся, – подмигивает он, и я уже хочу послать его, но вдруг понимаю, что на улице слишком тепло и ярко… Не так, как вчера, когда я бегала… Я тут же бегу к своему телефону и понимаю, что заряд не идёт. Какого хрена вообще…?! Тыркаю штекер туда-сюда, и ничего… Бегу обратно к окну.

– Сколько время?!

– Успокойся. Время семь десять. Вчера вырубило электричество.

– Блядь! – матерюсь я на всю улицу, и он ржёт надо мной. Наверное, это действительно смешно выглядит, но мне не до смеха, чёрт возьми. Я проспала и вообще. Есть вещи пострашнее этого…

– Телефон сел, да? Заходи, если что, у меня есть генератор… У вас тоже есть, конечно, но его сначала надо врубить… – издевательски подстёбывает меня, и я тут же закрываю окно, побежав собираться, потому что мне вообще не до него. А зарядку я возьму с собой. На работе заряжу.

Ставлю чайник, пока мажу лицо кремом, а потом понимаю, что чай пить придётся холодным.

– Дьявол!

Бегаю туда-сюда, собираюсь, ведь до смерти боюсь опаздывать… И если телефон сел, а Володя уже проснулся, он

мне такой разнос устроит… Этого мне не хватало…

Я мажу губы бальзамом, расчёсываю волосы и тут же бегу к машине, судорожно открывая её на ходу и залезая внутрь.

Выезжаю с территории под его взгляды, потому что он и не уходил… Стоит, оперившись на свою машину и смотрит на меня ядовитым пронизывающим взглядом. Я вылезаю, чтобы закрыть ворота, а он подходит ко мне со стаканом кофе, на котором чёрным маркером написано «Снежинке». Я хмурюсь, не обращая внимания.

– Ты же даже чай не попила утром… Кофе горячий. Вкусненький из пекарни неподалеку… Я специально раньше встал…

Я закрываю ворота и иду к машине. Вот ведь настойчивый, а… Встал он раньше. Делать ему нехрен! Как будто я не понимаю зачем всё это. Агааа, верим, вежливый сосед, конечно.

– Отойди.

– Отойду, если возьмёшь кофе, – ставит условие. У кого-то точно мания величия.

– Мне что бить тебя начать? Я серьёзно, Вершинин! Дай пройти!

– Возьми кофе… И я сразу же уеду. Обещаю.

У меня дёргается глаз. Что ему вообще от меня нужно?!

– Тебе кто-нибудь говорил, что ты просто как назойливая муха…

– Вот это благодарность за моё беспокойство о тебе и за

то, что не опоздала на работу… Я польщен…

Он протягивает мне стакан, и мне становится стыдно… Но лишь на долю секунды. Я буквально вырываю его из его наглых рук, и он тут же делает шаг назад, как и обещал.

А я молча сажусь в машину, ставлю кофе в подстаканник и уезжаю оттуда, оставив его одного. Благодарить не собираюсь. Пошёл он…

Но этот дурацкий кофе так вкусно пахнет на весь салон. Живот урчит, напоминая, что я ничего не ела… И я делаю глоток, кайфуя…

Что это, интересно… На вкус там фисташки и солёная карамель. Наверное, сиропов добавил… М-м-м…

Мне по-хорошему нужно было вылить его ему на лицо… Но правда в том, что я реально утром осталась без всего… А кофе хотя бы немного позволил мне прийти в себя.

Паркуюсь, выхожу из машины и тут же слышу, как его спорт-кар рычит сзади, припарковавшись тютелька в тютельку к моей… Вот гадёныш, а…

Он выходит следом и ухмыляется.

– Ты когда-нибудь оставишь меня в покое, а?! – рычу на него, и вдруг откуда ни возьмись ему на шею прямо передо мной вешается какая-то молодая красивая девушка.

– Любимый! Наконец-то…

Глава 9.

Марк Вершинин

Да ёпту…

Только думал, что зажму Полину Порносергеевну, как Викуля вылетела, словно чёрт из табакерки. Пиздец… Обвивает мою шею руками прямо на её глазах, лезет целоваться и напевает мне какие-то мерзотные словечки на ухо… Особенно вот это её грандиозное и абсурдное «любимый»… У меня от него всё тело, нахуй, сводит, как в ледяной проруби и зубы скрипят, словно вилка по тарелке…

А преподша уже убегает вверх по крыльцу, когда я отрываю от себя её наглые загребущие ручонки.

– Ты чего? Марк? – возмущенно таращится на меня, явно не ожидая такой реакции.

– Да ничё… Ты чего так накинулась? А как же твоя ебучая ангина?

Она строит глазки и улыбается.

– Ну я выздоровела. Думала, ты будешь рад…

– Я был бы рад вчера, когда звал тебя, а ты сказала, что пиздец болеешь…

– Марк, ну…

– А-а-а… – зырю на её огромные новые красные ногти на руках, как у росомахи. – Уже успела сделать…

Она тут же сглатывает и показывает мне.

– Это был стресс… Мастер выезжала на дом… Красиво?

– Охуенно просто… – отвечаю без эмоций. – Парней видела?

– Барса – да. Галю – нет…

Редко мы так его зовём, потому что его это злит. Ну, оно и понятно…

– Яссссно… Чё пошли на пару?

– Пошли, – улыбается она довольно и хватает меня за руку, когда я ставлю тачку на сигналку и ещё раз бросаю взгляд на красную Кию, которая теперь припаркована рядом с моей… Вот днище, а… Ну она хотя бы кофе из моих рук попила… Это радует. Если пила, конечно. А-то могла ведь и выбросить…

Шоркаю кроссами по полу, и неожиданно из-за угла появляется та самая девчонка, что была со мной на тусе. Видит меня с Викой. Глаза сразу в пол… Обходит нас стороной, будто боится, что я на неё щас пальцем укажу. Мы продолжаем идти по коридору, и Вика испепеляет её взглядом, заметив, что я бросил на неё свой. Ищейка, блядь. Всё всегда почует. Скандалы и грязь её будто притягивают… Вот она и ко мне, видно, тянется, никак не может отпустить.

– Такой задумчивый… – ухмыляется наигранно.

– Свои мысли.

– Родители вернулись?

– Нет. Завтра должны…

– М-м-м… Значит, сегодня я могу приехать? – тут же ле-

зет ко мне с этим вопросом, и я бы реально хотел, но… У меня последний вечер для совращения этой своенравной мадамы… Родаки приедут и вздохнуть спокойно не дадут. А ещё я вчера нарочно раздевался прямо перед окном, надеясь на то, что она меня увидит… Хз видела ли… Хз смотрела ли… Но в моих фантазиях, конечно, да… А ещё пускала слюнки и грязно трогала себя в постели, представляя, что это делаю я... А если бы она ещё выкрикивала эти свои извращенные словечки, то нашим бы стоп-словом стали бы «ряды Фурье», отвечаю…

Вот это рили было бы охуенно…

– Эм… Нет, наверное, не надо, потому что мне вечером ещё по делам надо…

– По каким делам? – спрашивает, будто чувствует, что пизжу. Но иначе она не догоняет, что мне нужна свобода на сегодня.

– Да у Галицкого там трабблы какие-то. Помочь просил…

– А да? И долго там?

– Походу, до самой ночи… – говорю я, и она хмурится, глядя на меня подозрительным взглядом.

– Марк…

– М?

– Ты же не врёшь, да? Потому что если это опять та девка…

– Да нет никакой девки. Всё… Вика, не еби мозги, – рычу на неё, а она продолжает вцепляться мне в руку, прижима-

ясь своим тонаком к моему пиджаку. – Блядь, ну, Ви… Перепачкаешь же…

– Извини, любимый… Дам влажную салфетку…

Чё в её башке… Хз. Вот как прилипла, так и не отлипает. Не, она симпатичная – раз. Два – фигура, что надо. Три – звезда тут. Занимается хореографией, везде заправляет, даже подвинула старосту нашей группы, потому что та слишком тихая. Но, блядь… Ну она, прямо скажем, порой заёбывает настолько, что хочется просто закрыть её в коморке и выбросить ключи в унитаз…

В таком режиме проходят целых две пары… И очень скоро я понимаю, что моей жопе неспокойно на этом месте. Ведь сегодня нет сраной математики!

Сука! Ненавижу… Да чтоб она каждый день была!

Я в прошлом году матерился за то, что в расписании её толкали в каждую дырку, и Осипов дрочил меня с таким энтузиазмом, что я поверил в Бога, когда он вдруг куда-то исчез… Такая радость была. А когда её увидел так вообще охренел…

Но, как назло, завтра… Только завтра…

Не. Я так, нахуй, не могу!

– Марк, ты куда?! – Викуля хватает за руку на перерыве, стоит нам выйти из аудитории.

– К пацанам попиздеть… Вика, ты чё как…

– Ладно, иди, – с грустным видом отпускает меня, и я тащусь с парнями на перекур… Но на самом деле не только

туда… Я уже не знаю, что сделать такого, как бы выебнуться, раскочевряжиться, чтобы она меня заметила… Стою, дымлю, смотрю на её тачку… Планирую… М-м-м…

– Э… Маркушенька-душенька…

– Иди нахуй, а, Галина…

– С-с-сука… – ржёт он, затушив окурок. – Бесишь.

– Сам бесишь… – прищуриваюсь, не отрывая взгляда. И парни тут же прослеживают его.

– Это чё… Её? – спрашивает Барс.

– Ага…

– М… А чё так хитро лыбишься…

– Увидеть хочу…

Галицкий ржёт, а Барс ухмыляется.

– Ебани ей булыжник в лобовое. Не только увидишь, но и почувствуешь, – и продолжают ржать. Причём оба.

– Вам чё в табло давно не прописывали, да?

– О-о-о… Угрозы посыпались… Она как появилась, ты такой дрочер стал.

– Слышь! – толкаю его, но он отчего-то думает, что в шутку. Хотя я бы щас разодрался. Потому что у меня просто концентрация дури в крови на максимуме… Ни продышаться, ни поебаться… Ни…

– Короч… Похуй, – тащусь туда, выбросив окурок в урну и тут же начинаю пиздить ей тачку, ладонью по капоту, чтобы сработала сигналка. Парни как стояли там с круглыми глазами, так и стоят… Продолжают ржать и крутить у виска.

И я понимаю сам, что как долбоеб, но что-то подстёгивает творить всякую дичь.

Сначала она выглядывает в окно. Когда видит меня возле своей машины, тут же раздувает ноздри… А потом выбегает на крыльцо с таким видом, словно у неё в сумке перцовый баллончик и она сейчас запульнет мне струей в глаз. Хотя лучше бы другой струёй запулила… Когда кончала бы с моим именем на устах.

– А ну отошёл от моей машины, живо! – кричит издалека. – Ты больной или что?! Может тебе к врачу нужно!?

Я стою и смотрю на неё, сложив руки в карманы. Улыбаюсь… Раскачиваюсь на носках туда-сюда. Ждал вот весь день ласки, а вместо этого грязные ругательства и оскорбления, но даже они вставляют меня так, что всё тело горит. От и до…

– Отойди, я сказала!

– Так я не возле Вашей стою, возле своей.

– Вершинин…

– Чё?

– Не «чё», а «что»! Отойди, говорю, назад! – ругается и отключает свой писклявый сигнал… Я смотрю на её недовольный надутый свисток под носом и представляю, как толкаю ей за щеку… Вот чё это за мания, а? Скажите? Точно дрочер. Даже отрицать не стану…

– Кофе понравился?

– Нет! Я сделал глоток и выбросила! На этом всё? – скре-

щивает руки на груди и озирается по сторонам, но я не перестаю улыбаться…

– Тебе кто-нибудь говорил, что у тебя охуенно красивые глаза, Снежинка. Я бы хотел видеть их рядом со своим членом…

Вот здесь срабатывает рефлекс. Она вся покрывается пятнами, дёргается и со всей дури даёт мне по морде ладонью, сразу же отдёрнув её обратно от боли и сжав кулак. Осматривается, вздымая грудью и дрожа, видит моих парней, опускает взгляд и тут же убегает обратно в универ в истерике…

Глава 10.

Полина Жигалова

Я сорвалась. Дура…

Володя звонил утром сразу как зарядила телефон, и я столько говна выслушала, что лучше не вспоминать. А тут ещё он…

Там же камеры повсюду… Зачем я так сделала? Если он жалобу напишет, даже тот аргумент, что он якобы меня донимал не оправдывает рукоприкладство по отношению к студенту… Боже мой.

Стою в уборной, смотрю на себя в зеркало и руки дрожат от одного только представления о том, что может быть… Ну ладно, меня уволят – это ерунда. Даже если скандал будет… Суть в последствиях, потому что Володя точно узнает причину и… Скажет, что я неподобающе себя вела, открыто одевалась, смотрела на него вызывающе или ещё чего… Он такое напридумывает. Его воспаленный мозг способен и не на то… Я-то уже знаю.

Дышу через раз, пытаюсь успокоиться. Но меня один фиг трясёт, как космонавта при проверке вестибулярки, а тем временем, перерыв уже заканчивается и пора идти на пару… Но только тогда, когда я выхожу, я снова натыкаюсь на этого сопливого придурка в коридоре.

– Сильно ударилась? – спрашивает, и я застываю, сжимая

кулаки в метре от него.

– Значит так… Вершинин. То, что там произошло, не должно было случиться. Я прошу прощения. Я вспылила. А ты вёл себя…

– Как мудак, я в курсе, – неожиданно говорит он, глядя на меня даже без этой своей тупой ухмылки. – Но сейчас меня больше волнует твоя рука… – он пытается взять её, но я тут же отпрыгиваю назад.

– Не трогай меня даже! Не смей подходить! Я ещё раз тебе говорю… – рычу на него ответно. – Я тебе объясняю. Я тебя старше, я – твой преподаватель. У меня есть муж. Он ревнивый! И если ты ещё хотя бы раз…

– Меня твои угрозы не пугают, Снежинка… И на твоего ревнивого мужа мне поебать вообще…

– Ты меня не слышишь? У тебя у самого девушка есть! Пожалей хотя бы её!

Он начинает ржать над этими словами, а мне нифига не смешно. Мне плохо.

– Одно твоё слово и у меня больше никогда не будет девушки… Как тебе такое, малышка?

– Да чтоб тебя… – взвываю я, делая ещё шаг назад. – Отвали от меня! Просто… Отстань! – выпаливаю уже в отчаянии писклявым голосом, потому что сил не остаётся, и ухожу оттуда в сторону своей аудитории. Мне сейчас ещё лекцию вести как-то нужно… Я с утра так радовалась, что 311-ой у меня нет. Прям с ума чуть от счастья не сошла. Но нет же!

Нужно было ему нарочно сделать этот финт ушами! Ощущение, что он на меня поспорил со своими дружками. И я легко в это поверю. Потому что только так можно объяснить его маниакальную зацикленность. Учитывая то, что у него вообще есть девушка, которая называет его любимым. Фу, фу, фу, блин!

Отвратительно…

Захожу на пару, здороваюсь с первым курсом. Они прям, как только что выпустившиеся из школы дети… Хотя они такие и есть по сути… Но просто эти испуганные глаза…

Я сразу же вспоминаю себя… Тогда я была действительно счастлива и свободна. Я думала, что вся жизнь впереди. Что я буду учиться, стану преподавать, где хочу… Что я буду путешествовать одна… Я мечтала быть другой, а в итоге… Вышло то, что вы видите сейчас.

Мой муж почти IT-магнат, у него крупная сеть технологических компаний… Тут он спонсирует факультет математики и информатики и исследовательскую лабораторию. Он везде ищет свежие кадры и прорывные идеи, которые можно монетизировать... И там, где находит, запускает свои корни очень глубоко. Поэтому я и подозреваю Ларису в шпионаже за мной. Мы с одной кафедры. Очень удобно, думаю…

Но теперь я реально боюсь. А вдруг она что-то уже успела увидеть, разглядеть и передать? Иначе почему Володя утром был таким нервным. Нет, оно и понятно, что от него было семь пропущенных на выключенный телефон… Но я вроде

как объяснила, почему так вышло, однако он ведь предупреждал меня вчера, чтобы я зарядила его. И теперь остаётся только просить прощения бесконечное количество раз, потому что иначе… Он снова угрожал прекратить спонсировать нахождение Инги в клинике…

– Полина Сергеевна… – вырывает меня из гнетущих мыслей первокурсница.

– Ой… Извините, пожалуйста. Я задумалась. На чём мы остановились?

– На числовой последовательности…

– Точно, записывайте…

***

«Пик, пик», – снимаю сигналку, выходя на улицу и быстрее пули юркаю в салон, убедившись, что Вершинина нигде нет. А его машина по-прежнему стоит рядом с моей… Отличный шанс побыстрее уехать и закрыться дома.

Выезжаю с парковки, радуясь, что он не написал жалобу, во всяком случае мне никто ничего не говорил и Лариса вроде как не намекала ни на что после того, как я сдала ведомости и попрощалась. Руки сжимаются на руле слишком жёстко, ну а как иначе? После сегодняшнего стресса немудрено.

Приезжаю домой, открываю ворота, загоняю машину и прячусь за забором как за личной крепостью… Выдыхаю…

Пишу Володе сообщение.

«Я дома. Прости ещё раз, что вчера так получилось, я буду внимательнее, правда. Я не хотела, чтобы ты волновался…

Можно мне позвонить Инге?».

Жду ответа от него как манны небесной. Переодеваюсь, хожу туда-сюда… проверяю дали ли свет. Действительно всё работает. Видимо, отключали из-за штормового. Не повезло… Ставлю чайник и наконец слышу вибрацию телефона.

«Звони. Разрешили».

Боже… Как от сердца отлегает.

«Спасибо, Вова».

Он больше не отвечает, но я тут же набираю знакомый мне номер… Где трубку снимает администратор.

– Сейчас переключу Вас, девушка. Одну секунду… – говорит она, нажав кнопку и… – Алло… Поль…

– Инга… Привет… Господи, как ты?

– Я нормально… А у тебя как дела…?

– У меня всё точно нормально. Я за тебя переживаю…

– Сделали диализ. Лежала на ингаляциях… Кашель ещё есть, посмотрели КТ, вроде пневмония отпустила…

– Слава Богу… Я так хочу тебя увидеть.

– Я тоже, сестрёнка… Уже нет сил тут лежать… Что бы я делала, если бы не твой Вова, я не знаю. Наверное, уже бы умерла… – говорит она, и я проглатываю ком, еле сдерживая слёзы, потому что слышу, что она плачет там.

– Не говори так, ладно? Он поможет. Ты поправишься… Всё будет хорошо.

– Вы там как устроились?

– Я пока одна… Вова в командировке снова… Универ хо-

роший. Всё в порядке. Дом тоже нравится.

– Это самое главное… – кашляет она, и я слышу, как гудит мой дверной звонок, но не реагирую. – Расскажи, что там интересного…

– Я пока даже не знаю… Толком нигде не была, моя… Только на работе два дня и всё…

– Хах. Ну ты как всегда… Узнаю младшую сестру…

– Ну да… – звонки на фоне не прекращаются. Более того, становятся неадекватными.

– К тебе там, кажется, кто-то пришёл?

– Да… Почтальон, наверное… Или кто-то ещё, я не знаю даже…

– Открыть не хочешь?

– Нет, я с тобой разговариваю… – говорю ей писклявым тоном, но она подкашливает в ответ.

– Полин, так и будут ведь звонить. Я подожду, честно… Заберешь посылку или письмо, да и всё.

– Ладно, только не бросай трубку… Хорошо?

– Хорошо…

Я тут же накидываю на домашнюю одежду кардиган и иду открывать дверь. Уже прекрасно понимая, что это он… Только когда с грохотом отворяю калитку, никого не вижу, кроме огромного букета французских роз, лежащих на какой-то коробке. У меня внутри всё скукоживается от нервов…

Я тянусь посмотреть, чтобы понять… Кто это сделал.

Марк или муж? Потому что если выброшу цветы от мужа, он подумает, что мне есть, что скрывать. А от ухаживаний этого прохиндея вообще лучше держаться за километр, если не за два…

Но на них нет ничего. Ни карточки, ни открыточки… Может, Вова так проверяет? Боже…

Что делать-то?! Беру его в руки, стою как дура, смотрю на дом этого мерзавца… Машину не вижу, но она уже может быть за воротами. Поэтому мне ничего не остаётся, как потопать с букетом к нему, чтобы понять хотя бы по его бесстыжим глазам, он ли это сделал или же всё-таки нет…

Глава 11.

Марк Вершинин

Я стою дома возле входной двери и прям жду, когда она начнёт колотить по забору. Сам не знаю откуда такая чуйка… Просто уверен почему-то, что не выбросит, а пойдёт разбираться.

И вуаля…

Будто слон проходится по металлу…

Еле держит этот огромный букетище. Я, кстати, специально такой гигантский взял. Поэтому чуть подзадержался, сразу не поехал за ней… А-то спалила бы моментально… Ну так вот. Она кое-как изловчается, чтобы постучать. Я по камере вижу. Смешная пиздец…

С пучком на голове, в домашней пижаме и какой-то вязанной кофте.

На вид сейчас вообще лет шестнадцать. Не более того.

– Иду, иду… – спускаюсь с крыльца нарочито медленно и вальяжно. Чтобы не думала, что я тут ждал её стоял, хотя так и было. Кринжатина полная, если вдуматься, но, сука… Нужно отдать должное. С чувствами я на «Вы», и мне очень тяжело одуплить, чё со мной такое происходит. Кажется, это нездорово. Открываю дверь и смотрю на неё сверху вниз. – Здрасьте…

Без каблуков она вообще от горшка два вершка. Ну хоб-

бит, блядь. А на лицо всё равно Порносергеевна…

– Вы мне цветы хотите подарить? Я люблю ромашки, если что, – улыбаюсь, а она прям как мигера сейчас. Красная вся, злющая.

– Вершинин… Это твоих рук дело?!

– Что именно? – приподнимаю бровь.

– Ты понимаешь что! Цветы твои!?

– Нееееет… А что… Не можете отбиться от назойливых поклонников? – издеваюсь с ухмылкой, а она так на меня смотрит. Глаза бегают, и она тут же пихает мне их прямо в грудную клетку.

– Забери это! – начинает уходить.

– Ок. Только это не моё…

Она тормозит. Разворачивается. Снова смотрит.

– Ты… Ты можешь честно сказать? – переспрашивает дрожащим голосом. – Я просто хочу знать, это сделал ты?

– Нет, это сделал не я, – отвечаю, и она тут же идёт обратно, перенимая букет в свои руки.

– Тогда извини, – бросает напоследок и снова идёт к своим воротам, а я ржу позади.

– Да ладно, Снежинка! Ты же не думаешь, что такие ебейшие букеты твой тупой муж выбирает, да?! – усмехаюсь, и она смотрит на меня с ненавистью. Тут же подходит к огромному баку для мусора и кидает туда весь букет, отряхивая руки.

– Ты чё… Бл…

– Хорошего вечера! – хлопает за собой дверью, оставив меня стоять там и злиться… Пиздец злиться. Я вечер с Викой слил из-за этой манды характерной. Вот же стерва, а… Не, я это так не оставлю. Иду за ней. И давлю на звонок так, чтобы он у неё сгорел к херам.

Она выбегает ровно через минуту. Всё такая же злая… А н-н-нет. Намного злее, потому что у неё в руках опять топор. Но я даже шага назад не делаю, когда она оказывается передо мной…

Я наоборот – нагло пропихиваю её внутрь территории.

– Ты… Ты… Ты что охренел совсем?! Уходи! Прочь отсюда! – рычит, пока я смотрю по сторонам. Мангал, качели, дворик – всё, как у людей… Чё же он купил ей такую стрёмную тачку… Или она сама такую захотела?

– Интересно, он у тебя очень богатенький… Судя по тому, как ты выглядишь – да.

– Нет, это какой-то бред… Пошёл ты! Я вызываю полицию! – она начинает бежать к двери, а я за ней. – Только попробуй! В дом ты ни на шаг не зайдёшь! – огрызается, начав выпихивать меня с крыльца.

– А Вам точно можно меня лапать, Полина Сергеевна? – усмехаюсь я, чувствуя её прикосновения повсюду… – Я-то не против… Но как расценит ректорат…

Её от меня как током шарахает.

Стоит задыхается, прикрываясь своей кофтой. Смотрит на меня, как дикая разъярённая, только что вынутая из воды

кошка.

– Пиздец ты красивая… – уголки губ сами по себе ползут верх, и я резко подаюсь вперед, согнувшись в три погибели, чтобы поцеловать её, но она моментально начинает бить меня кулаками и орать, после чего вцепляется мне в плечи и отпихивает меня силой. Мы с ней вошкаемся между дверью и забором, и в итоге ей почти удаётся выкинуть меня за пределы, потому что я боюсь сделать ей больно…

– Пошёл отсюда! Насильник грёбанный!

– Ты чё э… Какой я насильник тебе?! – ржу я, перехватив её руки своими. Едва чувствую наши касания… Тепло её божественной кожи на запястьях… Как пространство вокруг превращается в дурку. И я резко меняюсь с ней местами, придавив её к собственному забору. – Блядь, меня прёт с тебя пиздец… Ты же тоже хочешь… – вырывается откуда-то из недр меня.

И всё. Застыла как тушканчик. Не дышит даже. Смотрит своими огромными глазами, которые в момент потускнели возле моего лица. Словно сейчас отключится от страха… Но пахнет, блядь. Как же от неё пахнет…

Я просто стою и нюхаю, как задрот, не в состоянии оторваться. Как в ебучих старых мультиках, когда буквально плывешь по запаху… Пальцы сами разжимаются от этой грёбанной нежности, я ставлю руки по бокам от её плеч. Зажимаю в кольцо. Дышу, как бык на корриде.

А она дрожит… Не бьёт больше, не дерётся, даже не об-

зывается.

– Уходи, Марк. Лучше просто уйди отсюда, прошу… – шепчет как-то пиздец запретно, со страхом на губах, вызывая у меня, здоровенного лба, мурахи повсюду. Вот это реакция на женский голос. Не целовал ни разу. Не трогал. Ничего не делал… А вставляет так, будто уже, словно кролики тут с ней на каждом углу сношались… И вот чё делать? Стояк такой, что хоть вешайся. Уйду – себя предам. Начну нагло лезть – она реально воспримет всё, как насилие… Ещё заяву накатает потом. Хули делать?!

Смотрю на неё… Смотрю, смотрю… Она на меня. Чё хочу поймать в этом взгляде, не знаю? Но я б в её глазах утонул, ни капли не пожалев об этом. Однако вижу, что она вся обмякла передо мной… И мне становится херово от этого.

Поэтому я буквально отрываю себя от неё, тяжело выдохнув, отталкиваюсь от забора и просто ухожу оттуда, закрыв за собой дверь…

Глава 12.

Полина Жигалова

Что это было? Боже… Господи…

Дай успокоиться…

Как только дверь за ним закрывается, я просто сползаю вниз и сижу прямо жопой на бетоне… Сердце колотится так быстро, что я не могу даже сообразить, есть ли перерывы… Всё будто один сплошной монотонный гул.

Руки, ноги – ватные…

В ушах шумит. В горле ком… Еле отбилась. Но самое тупое. Самое-самое постыдное, что в моменте я… Нет! Нет, нет и нет!

Ничего не было! Это главное!

Блин… Инга… Инга!

Я тут же подрываюсь на ноги и бегу к телефону, только там слышу лишь гудки. Наверное, уже время звонка закончилось… Чёрт! Звоню снова, а там никто не берёт трубку…

Несносный мальчишка! Что ты наделал?! Когда я теперь её услышу в следующий раз?!

Хочется кричать и материться… Ладно хоть от Володи больше пропущенных нет. Но у меня до сих пор дрожат руки. Потому что этот наглец был так близко. Так близко, что я даже запах его поймала, ощутила жар тела. А ещё видела мурашки на его шее и как дёрнулся его кадык после слов

«Блядь, меня прёт с тебя пиздец… Ты же тоже хочешь…». Это безумие какое-то. От его голоса меня будто накрыло чем-то. Я так испугалась, когда он меня прижал. Ощущения были не из приятных. Потому что я уже знаю, какими бывают мужчины, когда просто хотят тобой воспользоваться… Этот мальчик не исключение. Он смотрит на меня не как на человека. А как на товар… Как на добычу. Меня аж передёргивает от такого напора.

Я иду на кухню и включаю воду. Щёки горят… Но сама температура тела, будто упала до нуля. Руки, ноги ледяные. И единственное, чего я сейчас хочу, рухнуть в постель, закутаться в одеяле и уснуть, потому что…

Потому что я просто не могу. Вспоминая то, что сейчас произошло во дворе. Ужас какой-то. Реакции тела были невыносимо дикими. По затылку прошлась волна дрожи. От его запаха всё внутри заклокотало. Каждая грёбанная клетка. Я вообще не поняла, что это было такое. Но факт, что раньше такого никогда не было.

Умываюсь в итоге. Делаю себе горячий чай и тут же иду наверх. Зарываюсь под кучу пледов, которые привезла с собой, греюсь… Смотрю на окно издалека… Боюсь туда идти. Ещё не так темно, но у меня всё равно внутри паника. Да что там! Я шевелиться даже боюсь! Как же хорошо, что он ушёл… Всё понял, да? Если это так, то я просто безумно рада… Я уже не могу. Не справляюсь.

Но стоит прикрыть глаза, как мне начинается сниться вся-

кая хрень. Я буквально не могу лежать ровно, будто куда-то падаю. И просыпаюсь от того, что вздрагиваю от телефонного звонка… На часах уже девять. Ужас какой.

– Алло…

– Привет, – муж хрипит в трубку. – Спала, что ли? Голос сонный…

– Да, я уснула… Извини…

– Поговорила с ней?

– Да… Недолго.

– Понятно, ну вот и хорошо.

– А у тебя там что?

– А что у меня… Сделки, контракты… Бездарные придурки, которым я плачу за просто так… Тебе не понять, – отрезает он, и я думаю «ну куда мне»… Я же «потребительница». – Хочу вернуться домой поскорее и опробовать кровать.

Сердце тут же делает рывок. Или даже кувырок. Что сказать? Я не хочу ничего опробовать. Вообще. Я хочу спрятаться, раствориться, исчезнуть… От этих слов мне становится неприятно, как всегда. Будто он здесь сейчас. Будто смотрит на меня и снимает с меня одежду.

– Риэлтор обещал, что там установят удобную…

– Да, она… Удобная, – говорю я, съедая все лишние слова. Большая, красивая, роскошная кровать, на которой я сейчас сплю, какая разница, какая она, если потом я буду на ней только плакать…

– Хорошо. Скинула бы мне свою фоточку хоть…

– Угу, скину… – отвечаю я, глядя в потолок.

– А мою тоже хочешь? – смеётся в трубку, а у меня на фоне, будто на репите чужой голос прямо в моё ухо:

«Блядь, меня прёт с тебя пиздец… Ты же тоже хочешь…».

Я даже вздрагиваю.

– Хочу – да.

– Ладно… Давай, Полина… Отправишь фотографию. Скучаю.

– И я, – говорю на прощанье и отключаю телефон. Как же мне надоело притворяться, будто я жду его дома. И ведь это уже даже не похоже на притворство… И он это знает. Чувствует. Но его даже мой тон и молчание не останавливают… Его ничего не останавливает.

Его до хрипоты возбуждает сам факт, что я принадлежу ему и что у него есть рычаг давления на меня. Он насыщается этим, как истинный манипулятор и деспот. И так не только со мной. У Володи для всех есть какие-то свои ниточки, за которые он может дёргать.

Я всё время боюсь…

На улице уже стемнело…

Я встаю, подхожу к окну и понимаю, что у Марка там опять горит свет. Но его самого я не вижу. Сглатываю ком, когда понимаю, что то, что случилось между нами, не должно было случиться и близко. И вроде бы ничего не было, но вроде бы было слишком много. Не зря же отложилось где-

то на подкорке. Нужно было топором его от себя отогнать… Нужно было что-то сделать и вообще…

Я даже не дышу, когда он снова появляется в окне. Только на этот раз я не прячусь. Просто стою и смотрю на него. А он на меня. Расстояние примерно метров тридцать… Или чуть больше. Не знаю.

Но даже на этом чёртовом расстоянии у меня по коже бегут мурашки, и я слышу его голос за своей спиной… Раздевающий, обволакивающий голос, который заставляет меня не просто дрожать от страха, а что-то совсем другое. Не менее пугающее и неправильное…

Я знать этого не хочу… Или?...

Глава 13.

Марк Вершинин

У меня, кажись, кукуха поехала… Я, блядь, не знаю, куда себя деть.

Смотрю на неё в окно и понимаю, что меня всего распирает просто. Я с таким трудом ещё никогда себя от девушки не отрывал. Это Ад…

И как держаться рядом с ней, когда так нещадно клинит?! Вопрос…

А ещё вопрос… Нахера она тогда стоит и смотрит, если я ей реально вообще ни-ни? Если у неё там муж-хуюж и прочее дерьмо…?

Ловлю её глаза своими и показываю пальцем вниз. Мол «пошли курить», но она мотает головой в знак отрицания.

Я просто уже не знаю, что делать. Складываю ладони, строю ебало, как у кота из Шрэка и умоляюще прикладываю к ним губы. Не знаю, что из этого она видит. И что сработает… У меня так-то свет горит, а на улице уже темно…

Я бы мог написать, но…

Ещё раз указываю вниз, упрашивая. И наконец, она показывает рукой «пять».

Чё это? Пять минут? Через пять минут? Я же с лестницы ща уебусь, пока бежать туда буду… Вижу, что она отходит от окна, но поверить до конца не могу… Может это какой-то

тайный знак «отъебись от меня», который я не знаю?

Ладно… Проверим.

Спускаюсь максимально нервно, разумеется. Но стараюсь скрыть то, что меня хреначит из стороны в сторону, как маятник в кабинете Физики. Я от напряга разве что не выпрыгиваю из штанов, нахрен. Накидываю на себя первый попавшийся худи, который висит в гардеробной и шурую на улицу, прихватив с собой сигареты…

Открываю дверь и вижу, что она идёт ко мне, переходя дорогу. Реально идёт сюда… Подходит, смотрит мне в глаза и хмурится.

– Больше так никогда не делай, – заявляет грубый холодный голос на автомате.

– Ок… – достаю пачку. – Будешь?

– Нет. Не хочу. Это вредно.

– Вышла, чтобы отчитать, что ли? – спрашиваю, толкая одну в рот и закуриваю возле неё.

– Вышла, чтобы сказать тебе, что ты поступаешь ужасно… Во всех смыслах.

– Чё я сделал?

– Ты лезешь к замужней женщине. А у тебя вообще есть своя.

– Снежинка… – усмехаюсь я. – Ты так взбудоражена этой новостью. Мне кажется, от тебя так и прёт ревнушками…

– Я не шучу, Марк.

– Я тоже… Знаешь, чё самое прикольное?

Она молчит, а я делаю очередную затяжку и смотрю на появившиеся на небе звёзды.

– Ты столько раз сказала – у меня есть муж, это неправильно бла бла бла… И ни разу не сказала, что у тебя есть любимый мужик. Вообще ни разу.

Она сглатывает.

– Причём здесь это?

– Как причём? При всём, – отвечаю я с усмешкой. – Почувствовал бы, что ты занята, не стал бы лезть. Честно…

– Это абсурд какой-то…

– И никакой не абсурд. Социальная перцепция. Почитай на досуге…

– М-м-м, – ухмыляется она. – Так говорит твой психолог, да, за которого платит папочка?

Я ржу и ещё затягиваюсь. Такой она мне нравится больше. Остра на язык что пиздец. Вкатывает.

– У меня нет психолога, Снежинка. Никогда не было. Нахуй он мне нужен? Они для слабаков…

– А так говорят люди, которые, наоборот, нуждаются в психологической помощи…

– Буду знать. А ты случайно не подрабатываешь вечерами, я бы заходил периодически…

– Нет, Вершинин. Не подрабатываю. Увы. Так мы договорились? – спрашивает она у меня, и я приподнимаю бровь вверх.

– О чём это?

– Что ты больше не будешь так себя вести. Лезть ко мне. Всякое такое…

Вот здесь я реально начинаю гоготать. Ну бляяя… Наивная девчонка.

– Я такого вообще не говорил, – строю дебильную рожу. – Когда я так говорил?

– Ты издеваешься?

– Нет. Походу, ты.

– Марк… Я вышла только для того, чтобы объяснить тебе…

– Ну считай ты объяснила… А я нихуя не понял, вот и всё, – угораю я, выбрасываю окурок в урну. А у неё видок такой злобный. Ща внатуре накинется на меня с кулаками. – Чё ты от меня реально хочешь? Не гони, что не поняла. Всё ты поняла.

Она стоит, руки по швам, сжимает их в кулаки и не шевелится. Только тяжело дышит, бегая глазами по моему лицу. Реально только чё от меня хочет? Чего ждёт? Меня щас самого всего ебашит. Я руки прячу в карманах штанов, чтобы не потянуться и не затащить её к себе, потому что вижу, что она опять паничку словит, как там за забором.

– Всё, я пошла, Вершинин. Надеюсь, у тебя реально отложится что-то и ты поймешь, что ты поступаешь неправильно.

– Ой, бляяяя… – закатываю глаза, когда она начинает уходить в сторону своего дома. – Ты вчера смотрела на меня, да… Я видел тебя. – беру на понт, и она тут же замирает на

месте. Как застыла, так и стоит. Даже не оборачивается. Зато я медленно крадусь к ней.

– Я на тебя не смотрела…

– Не пизди. Смотрела. Ещё как смотрела… – делаю ещё несколько шагов… Остановившись аккурат рядом с ней. Позади неё. Прямо на дороге, что разделяет наши дома. – Ну как? Понравилось тебе то, что видела…?

Она молчит. А я чувствую её запах… Этот грёбанный кокос на голове, который сводит меня с ума. Мой нос на расстоянии пятнадцати сантиметров от её макушки и мне хочется её сожрать… Вот такой, какая есть… Не зря, да, ляпнул…

– Спалилась, детка…

Она медленно оборачивается. Щёки все пылают. Вижу её трясущиеся надкусанные губы и всё, блядь… Я не здесь и не сейчас. Я полностью долбанулся. Хватаю её в охапку и буквально присасываюсь к ним, как ненормальный, пока она пищит и мычит в мой рот, пытаясь отбиться и отпихнуть меня, но я не могу отпустить. Меня прёт. Меня та-а-ак прёт, будто я час с карусели не слезал. Вертолёты... Пытаюсь пролезть языком в её рот, а она не позволяет. Сжала челюсть намертво. Кладу руку на её затылок, сжимаю волосы, сгибаюсь к ней полностью, притягиваю к себе, наконец, ощущая, как разжимаются её зубы, и я чувствую её язык… Мои сигареты смешиваются с её вкусом… С её умопомрачительным бьющим по нервной системе высоковольтным разрядом тока вкусом… Бляяяядь…

Охуеваю от того, как хорошо. Как вкусно и как охрененно чувствовать на себе её сладкие поцелуи… И вдруг нас слепит свет фар издалека. Я разжимаю руки, она смотрит на меня дикими оленьими глазами. Отталкивает меня очередным ударом в грудную клетку и убегает к себе, захлопнув дверь…

А я так и стою, пока мне не сигналит мимо проезжающий сосед.

– Марк?

– Здрасьте… – киваю, подняв руку, и сразу прощаюсь с ним… Он проезжает дальше, а я продолжаю смотреть на её дом и в груди теперь такой пиздец, что лучше бы я тусовался с родаками в другом городе до 4 сентября, чем всё это…

Глава 14.

Полина Жигалова

В дом я буквально вваливаюсь на шатающихся ногах и закрываю все три замка на двери. Было бы десять – закрыла бы их. Упираюсь в неё спиной… Чувствую, как меня трясёт и не могу отойти.

Зачем вышла к нему?! Зачем?! Ведь знала к чему приведёт! Чувствовала!

Теперь можешь что угодно кому говорить, Полина, но факт в том, что ты сама знаешь правду! Ты знала и пошла намеренно, а теперь…

Господи, что теперь будет? У меня губы горят. Я даже думать не могу о том, что сейчас произошло. Вложила ли я достаточно силы в сопротивление? Пыталась ли я по-настоящему его оттолкнуть? Или всё это было чем-то объективно говоря фальшивым???

Боже. Вова узнает… Он точно узнает и тогда и мне, и этому мальчишке придёт конец. Он просто раздавит его и ничего не останется. А что будет со мной? Он меня вообще убьёт…

Я не могу здраво рассуждать. Паника топит все остальные чувства в себе. Все эмоции стираются одной оглушительно сильной, дезориентирующей, уничтожающей меня изнутри мыслью о том, что мой муж узнает правду… Что тут твори-

лось пока его не было… Или он уже знает…

Сердце носится внутри, как волчок. Не может найти себе место. Я достаю телефон, смотрю на время. Только десять. Ни пропущенных, ни сообщений… Но, чёрт возьми! Я же обещала скинуть ему своё фото! Блядь!

Тут же бегу наверх обратно в свою спальню, стаскиваю с себя половину вещей, ложусь в кровать и пытаюсь успокоиться, чтобы сделать долбанное фото…

И впервые за не знаю сколько лет вижу совсем не себя, а кого-то другого.

Глаза горят, губы красные, словно их затолкали в шланг от пылесоса…

Даже если наложу фильтр получается что-то из ряда вон… Приходится немного замазать тонаком и бальзамом. И наконец у меня получается что-то более-менее нейтральное. Я отправляю ему с сообщением о том, что делала маску для лица и совсем потеряла счёт времени.

«Красивая моя», – приходит от него следом. Я даже дышать снова перестаю, когда понимаю, что вроде как получилось. И он ничего не заметил… Не придаю смысла его словам. Мне давно плевать, как он меня называет. Красивая, сахарная или тупая. Мне действительно всё равно… Я лежу, смотрю в потолок и все мои мысли до единой там… На той улице…

– Ой, бляяяя… Ты вчера смотрела на меня, да… Я видел тебя.

– Я на тебя не смотрела…

– Не пизди. Смотрела. Ещё как смотрела… Ну как? Понравилось тебе то, что видела…?

– Спалилась, детка…

Закрываю глаза и снова подвергаюсь этой бомбардировке со стороны Вершинина… Мало того, что он меня спалил, принизил, так ещё и просто взял. Вторгся в моё пространство, словно ему было можно. Но факт в том, что нельзя! А я, дура, позволила! Ничего не сделала! Идиотка…

Это просто блажь… Это пройдёт. И мои эмоции к нему пройдут… Он слишком настойчивый. Слишком борзый. И слишком красивый, к сожалению. Это тоже проблема. Мне об этом нельзя даже думать.

Я встаю, иду закрыть штору и снова вижу, как он стоит и смотрит на меня из окна своей спальни. Только на этот раз я не даю ему никакого шанса. Молча задёргиваю всё, чтобы ни малейшей полосы не было видно, выключаю свет и ложусь в постель спать…

***

«Чё ты от меня реально хочешь? Не гони, что не поняла. Всё ты поняла»…

Просыпаюсь, ощущая дрожь по всему телу… Оглядываюсь. На часах три…

Тахикардия не дремлет… И мне так страшно на самом деле.

Подхожу к окну, аккуратно смотрю во двор. Повсюду ти-

шина. Дом Марка почти весь обесточен… Только на крыльце горит маленькая тусклая лампочка… Я спускаюсь вниз попить воды. Хожу по дому как неприкаянная. Не могу найти себе место…

Мы поцеловались. И я просто не знаю, что теперь будет…

Нужно как-то сделать вид завтра, что вообще ничего не было. Тем более, у нас совместная пара – третья. Я не переживу, если он продолжит в том же духе…

Жадно выпиваю стакан воды, снова выключаю везде свет и пытаюсь уснуть заново…

***

Утром всё как обычно. Встаю в половину шестого. Быстро вылетаю из дома, озираясь по сторонам. Бегаю около часа с наушниками в ушах. Ни на кого не обращаю внимания. Погода сегодня вполне неплохая. Отчитываюсь перед Вовой, что встала и всё хорошо. Принимаю душ, завтракаю, собираюсь. Брюки, строгая блузка, пиджак. Ничего лишнего. Только глаза всё равно выдают. Я буквально смотреть на себя не могу. Мне противно… Потому что как бы там ни было, я не имею на это права…

Выхожу из дома раньше – в семь. Чтобы не дай Бог не пересечься с ним. Могла бы и в половину седьмого уехала… Но просто не успела.

Едва открываю ворота и выгоняю свою машину, как понимаю, что он выходит и смотрит на меня, засунув руки в карманы. Будто хотел поговорить, но я не представлю ему

такого шанса. Уезжаю пулей. По ощущениям просто горю…

Приезжаю на работу, бегу на кафедру. Никого ещё нет, включая Ларисы… И вдруг… В двадцать пять минут в двери заходит удивлённый покрасневший Виктор Эдуардович. Видит меня, улыбается и прикрывает за собой дверь.

– Здравствуйте, Полиночка… – здоровается, вынуждая меня поднять глаза, оторвав голову от методички.

– Здравствуйте…

– Хотите печенье? – предлагает и достаёт из портфеля пачку.

– Нет, спасибо…

– Ну что Вы… Попробуйте, оно очень вкусное.

– Нет, спасибо большое, – ещё раз чеканю я, тут же сгребаю все документы и выхожу оттуда от греха подальше, потому что мне вообще не нравится, как этот мужик на меня смотрит. Очень неприятный тип. Я его боюсь.

Потом, слава Богу, начинаются пары… Проходят более-менее нормально, пока время предательски не подводит меня к третьей…

Я сижу, склонившись, практически забившись и уставившись в свой блокнот, когда внутрь аудитории входит 311-ая… Сначала девчонки, потом парни… А потом…

Потом входит ОН…

И сердце моё начинает отстукивать похоронный марш в грудной клетке. Я не смотрю на него. Даже когда готовлю материал и считаю головы стараюсь не смотреть, пока к нему

не подсаживается та самая девушка… Обнимает его, что-то шепчет на ухо, целует в шею ещё до начала пары… И мне кажется, что броня на мне начинает трескаться, обнажая меня такую хрупкую и уязвимую перед всем этим жестоким миром… Но главное – перед ним…

Глава 15.

Марк Вершинин

Я всю ночь дерьмово спал… То на задний двор выходил, то в комнате тусовался, а уснуть никак не удавалось нормально. Максимум полчаса, потом всё по-новой… Её эти губы, кокосовый спрей и башня моя уже устала сопротивляться… Я же чувствовал, что её тоже ко мне тянуло тогда… Я это, сука, каждой клеточкой своего ебанутого «я» ощущал… Но она всё же убежала. Сорвалась и кинулась прочь от меня, как от прокаженного.

Не, я понимаю, что есть какие-то принципы морали…

Типа замужем… Ну ок.

Это я способен понять. Но не вяжется что-то… Глаза у неё какие-то пиздец тоскливые. Будто бы и внутри спрятан весь мир, а будто… Что-то не то. Ведь так и не сказала мне, что любит его. Начала бы говорить, мол люблю, жить без него не могу, я бы и отстал может. А может и нет, конечно. Хрен его знает.

Я вон с утра её ждал, как щенок, пока не понял, что она вообще больше не собирается контактировать. Только вышел – она съебалась на скорости под сотку… Я поехал тоже, ну а там…

Буквально с парковки на шею бросилась Вика… И всё. Понеслось. Её не оторвать ничем. Даже парни шли и ржали,

прекрасно понимая, что она как пиявка во всей этой ситуэйшн. Набросила на меня своё лассо и тащит, блядь… Может, раньше мне это и нравилось, но только не сейчас… Сейчас я вдруг резко захотел намного больше свободы, в которой я сам устанавливаю правила.

Но возможно на третьей паре мне это даже на руку. Я хочу посмотреть, как она отреагирует. Будет ли ревновать… Как вообще себя поведет в данной ситуации…

И вот сейчас я вижу по её лицу, что ей охуеть как не нравится смотреть на нас… Некомфортик. Ну, возможно, речь идёт о том, что ей неприятно после вчерашнего поцелуя. Только я своим испорченным нутром чувствую совсем другое.

Я её, блядь, хочу. До какой-то ёбанной трясучки, как ненормальный.

Всю ночь с ней провёл. Не зная ничего о том, что скрыто под одеждой… Всю ночь только её пёхал. И отойти теперь не могу. Не работает вообще никак. Поэтому когда она отворачивается к доске и что-то объясняет, а Вика вцепляется в мою руку сильнее, я тупо роняю взгляд в тетрадь и просто пытаюсь переписывать то, что пишет она. У Вики аж глаза на лоб лезут от моего неожиданного желания научиться рисовать графики.

– Маааааарк, – шепчет она на ухо.

– Чё…

– Ну… Маааааарк, – трогает мои ноги под столом и никак

не угомонится. Я хватаю её руку и чуть сжимаю.

– Ты чё творишь, а? Видишь там лекция идёт? Мне писать надо.

– Эм… С каких это пор вообще… Ты никогда ничего не записываешь.

– А теперь записываю. Отец сказал, что хер мне, а не счёт. Так что… Это и в твоих интересах тоже…

Она несколько секунд вдумчиво смотрит на меня, а потом отпускает и тоже начинает что-то строчить в своей тетради. Я напридумывал, конечно. Никакой отец мне ничего не говорил. Они не звонили даже. Хз приедут ли вообще сегодня, как обещали… У них что ни день, так новый сюрприз. Вдруг маман захочет куда-нибудь ещё…

Тем временем Полина Сергеевна оборачивается, ещё раз проходится взглядом по всем нам, и я не могу от неё отвернуться. Я вообще нихера не могу. Смотрю как завороженный… Прилип к этим зелёным ведьмовским глазам. Обожаю.

– Критические точки определяются… – и шпарит на своём языке. Я как бы не вообще «тум-тум», но честно, я половины слов не разбираю. У нас вышка всего два года должна быть. Потом прощайте, до свидания, поэтому я и не понимаю захера она нужна… Ну не понимал… Теперь вдруг как прозрел внезапно.

Не знаю чё делать с ней. Она мне не даст. Я по лицу тупо вижу, что не даст. И дело тут не в желании. Она просто

какая-то зажатая вся, словно в кандалах по аудитории передвигается.

– Успели записать?

– Да…

– Отлично, – стирает с доски, а я просто устанавливаю зрительный контакт с её жопой… Она нарочно брюки надела. Но даже в них… Сука. Такой персик…

– Марк? Ты чего так смотришь? – тут же дёргает меня за руку Вика, и я делаю вид, что задумался просто.

– А? Чё?

– Ты что на преподшу смотришь?

– Бля… Нет, Вика, я смотрю на доску. Всё. Не важно.

Она хмурится, поджимает губки. Но вид у неё такой, будто она меня просекла уже. Да даже если и так. Чё будет-то? Какой из пацанов в аудитории не хочет ей присунуть, вы мне скажите? Да нет таких. Даже ботаны на первых рядах слюни пускают, просто в силу своей несостоятельности молчат, потому что задроты и не то, что не знают, где клитор находятся, они в принципе не способны его от интеграла в своей тетради отличить…

В целом, если не считать того, что мы с Порносергеевной играем в гляделки, то ничего странного за сегодняшний день не происходит… И я думаю, ну если смотрит, значит, наверное, желает поговорить, да? Не просто так же постоянно контролирует любой Викусин выпад в мой адрес… Ревностью ли тут пахнет, я не знаю. Она слишком далеко и после слу-

чившегося мне просто нужна новая ходка к ней. Только я уверен, что она кинется отсюда, как только время этой пары кончится… Поэтому пытаюсь насладиться тем, что имею… Здесь она даёт мне только это – строгие непонятные для меня взгляды, которые по идее ничем не отличаются от тех, которые она дарит, к примеру, Галицкому… Но, бля…

Я же интуитивно знаю, что со мной по-другому… Всё по-другому…

– Можете быть свободны, – звучит тонкий голос, я тут же подрываюсь, толкая ручку в карман и сжимаю в руках мою первую за этот год лекцию… Но теряю её из виду в первую же секунду, если даже не долю… Полина исчезает за дверью, а Вика с улыбкой берёт меня за руку, надувая своей мерзкой розовой жвачкой огромный пузырь и тут же лопая его у меня на глазах.

– Пойдём, любимый?

Я тупо вздыхаю и иду к пацанам, не обращая внимания на её обиженное цоканье за моей спиной… Вот где я её теперь найду? Тащиться на кафедру? Или караулить в женском туалете снова? Как мне её выманить хотя бы на разговор, а…

Глава 16.

Полина Жигалова

Я убежала, как последняя ссыкуха…

А что мне ещё было делать?! Я не могла на них смотреть. А на него и подавно. Что он со мной делает?! И главное, за что?! Ему самому не противно? Это ужасно просто…

Сижу на кафедре и боюсь идти на следующую пару, потому что понимаю, что он сто процентов что-то ещё отчебучит. Подкараулит, зажмёт меня где-то. Я просто уже начинаю сходить с ума от его настойчивости. Он везде… Повсюду. А я для него просто как игрушка какая-то… Безропотная понравившаяся очередному богатому мальчику игрушка.

– Полина Сергеевна, всё в порядке? – спрашивает Лариса, увидев моё состояние. Мысли тут же рассеиваются как туман перед глазами и передо мной возникает её обеспокоенное любопытное лицо.

– Да-да… Просто задумалась…

– Может, Вам воды дать?

– Нет, не надо. Спасибо… Тут душно просто… Но мне уже пора на пару…

Тут ещё хуже, по правде говоря, потому что за мной следят. За каждым моим шагом. И я ничего не могу с этим сделать… Будто в клетке.

Выхожу я оттуда, осматриваясь. Сердце делает лишний

удар, и я тут же иду в сторону нужной мне аудитории, пытаясь сохранять душевное спокойствие, хотя меня не просто трясёт. Меня колотит. И мотает из стороны в сторону, как флюгер на ветру.

В итоге удаётся спокойно добраться до лекции и начать её. Никто не дёргает и не выманивает меня, но у меня почему-то ощущение, что всё это только начало… Что он нарочно так делает. Возможно, понял, что куда легче добраться до меня дома, чем здесь… Хоть бы он понял, как сильно любит свою девушку, а… Хоть бы был с ней и забыл о том, что случилось.

– До свидания, Полина Сергеевна… – доносятся голоса у двери.

– Полина Сергеевна, а можно вот тут уточнить…?

– Да, конечно…

Первокурсник показывает мне график, который сделал, и я объясняю ему как определить область определения функции…

– Составляете неравенство… Больше или ровно нуля… Находите икс… И вот на этом отрезке считаете площадь криволинейной трапеции. Понятно?

– Кажется…

– Кажется, – доносится сзади издевательское. – Съебался отсюда!

Я просто замираю. Там секунды не проходит, как этот мальчик в ужасе собирает свои вещи и выбегает из аудитории, оставив меня одну с этим аморальным типом. Боже

мой…

– Дверь за собой закрой! – орёт этот псих.

Я резко встаю с места и смотрю на него.

– Ты что себе позволяешь, Вершинин… Ты вообще уже обалдел, да?!

Он смотрит на меня и дышит как разъярённый бычара. Что за дурость в голове вспыхнула, я не пойму… Мне страшно с ним здесь находиться.

– Выйди отсюда, Марк.

– У нас с ней ничего нет, если что…

– Что?

– У нас с Николаевой… Ничего нет. Она просто липнет ко мне…

И тут я начинаю нервно смеяться. В истерике.

– Ты что… Ты реально думаешь… Что мне есть до этого хоть какое-то дело?!

– Можешь не притворяться, что нет. Я это просто вижу, Снежинка. Понравился поцелуй? – спрашивает и давит на меня взглядом.

– Я сейчас буду кричать. Клянусь тебе. Я просто начну орать, если ты подойдёшь хоть на сантиметр ближе! – рявкаю я, и мне кажется, даже покрываюсь пятнами от перенапряжения. Инсульт бы не схватить…

– Да успокойся… Мне и отсюда нормально… Я знаю, что понравился… Я вообще, блядь, почти всю ночь не спал. О тебе думал…

Он вообще понимает слово «нет»? Кажется, нет.

Я молчу. Мне сказать нечего. Только вот он не перестаёт глазеть на меня, словно приклеенный взглядом.

– Красивая такая сегодня…

– Марк, уйди.

– Блядь, да чё ты меня гонишь всё время, а? Чё тебе не так?

– Ты что тупой?! Я вроде русским языком сказала!

– С-с-сука, – он начинает идти ко мне, а я от него. Так и бегаем с ним как кошка с мышкой вокруг преподавательского стола.

– Я тебя предупредила… Я сейчас заору… Я просто…

Не успеваю договорить, как дверь в аудиторию открывается и сюда заглядывает Лариса. У меня сердце в груди чуть ли не взрывается, как граната.

– Полина Сергеевна, всё хорошо?

Я поворачиваю голову и понимаю, что это придурок уже сел и спрятался за столом. А у меня трясутся руки.

– Да, я просто… Личный разговор был… Важный. Задержалась немного…

– Понятно… – стоит и будто ждёт чего-то…

– Мне нужно ещё кое-куда позвонить… Вы не могли бы…? – обращаюсь к ней, и она недовольно фыркает. Словно вообще имеет на это право. Хамка…

Тем временем я просто чувствую, как он касается моей ноги… Как пальцами ползёт по ткани вверх, обхватив ло-

дыжку. Мерзавец…

Я сжимаю в руках телефон, и она выходит отсюда… А я ещё несколько секунд стою и прислушиваюсь к её отдаляющимся шагам, когда он выползает из-под стола.

– Фууф. Чуть не спалились, да?

– Ты что издеваешься?! – отпрыгиваю от него и сгребаю всё со стола в сумку. – Из-за тебя меня уволят!

– М-м-м. Так вот чего ты боишься? Не бойся, не проблема. Я поговорю с отцом и… Никто никого не уволит.

– Ой… Надо же… Решала нашёлся местного разлива… – скрещиваю я на груди руки. – Не трогай меня больше – пожалеешь.

– О… А вот и угрозы посыпались… – насмехается деловито. – Что сделаешь? Нажалуешься мужу своему? Где он, кстати… Может вот здесь сидел всё это время как ебаный куколд? – заглядывает под стол, и я начинаю смеяться. Нервно, излишне несдержанно. Просто я впервые слышу, чтобы Володю в моих глазах кто-то так унижал. Он ведь вообще не терпит подобного отношения. У Марка сразу загораются глаза. Вот как есть.

Он смотрит на меня так, словно сейчас накинется.

– Твой смех, он…

– Мне на пару нужно. И тебе тоже.

– А-а-а… Блядь, – роняет руки на стол и сжимает края до побелевших костяшек, уронив голову вниз. Стоит в одной синей рубашке с закатанными рукавами без пиджака на этот

раз. И я не могу не отметить, как сильно она ему идёт. Собственно, как и вся классика, которую я на нём вижу. Он выглядит взрослее… – Нужно, нужно, нужно… Когда Вы уже перестанете лить это в мои уши, а? Полина Сергеевна…

Я просто пожимаю плечами.

– Время, Марк…

– Тебе понравилось. Я точно это знаю, – уверенно говорит он, выпрямившись передо мной на той стороне стола. – Ладно, хрен с ним… Даю тебе время до вечера подумать… А дальше пеняй на себя…

Я застываю, когда он начинает уходить к двери. Что это было. Не поняла?!

– Чего?! Вершинин! Ты в своём уме?! Ты что задумал вообще?!

Он оборачивается перед самым выходом. Смотрит на меня с привычной усмешкой и огнём в своих серо-голубых глазах.

– Брать на абордаж, – отвечает и просто исчезает за дверью, словно его здесь и не было…

Глава 17.

Марк Вершинин

Хуже, чем мания. Хуже, чем одержимость. Не понятно что…

Я и сам уже запутался в понятиях. Но весь оставшийся день я как на иголках. Хотя всё уже для себя решил… Буквально. Всё…

От Вики отделался кое-как и то пришлось наорать, чтобы отлипла. Задолбала уже, нахрен, со своими приколами. Как закинет свои конечности на мою шею, так всё. Хрен оторвёшь…

Сейчас я возвращаюсь к пацанам, а она стоит в сторонке с девками и дует на меня губы. Будто реально думает, что это способно приманить меня обратно… А у меня Порносергеевна головного мозга. Я вообще, кажись, помешался…

– Чё сияешь… Трахнул её? – спрашивает Галицкий с лыбой до ушей, а мне ему прописать хочется. Вот так просто. Тому, кто по идее, друг.

– Иди на хуй, а.

– Не трахнул… – ржёт. И Барс, кстати, тоже. Чушпаны, сука.

– Оба идите, а!

– Маркуша, релакс… Она тебе всё равно не даст никогда. Видел булыжник у неё на пальце? – издевается, и у меня дёр-

гается глаз.

– Какой, нахуй, булыжник. У меня отец матери в три раза больше дарит. Хуйня из-под коня, – парирую я нервно.

– Шаришь… Кстати, он прав, реально… Мелкий камень какой-то, – поддакивает Барс, и Галя начинает ржать над нами.

– Ювелиры, сука, не иначе…

– Ах ты ёбанный уродец… – мы начинаем пиздить его в шутку, пока он отбивается от нас. Ржём на весь коридор, и Лариска тут как тут появляется из ниоткуда.

– Ну-ка тихо! Что такое-то, а?! Вершинин! Галицкий! – наезжает на нас своим противным голосом.

– А я чё?! – горланим оба в раз, как придурки, пока она отчитывает нас.

– Привели себя в человеческий вид, живо! Ужас какой-то… – отдёргивает меня за рукав.

– Руки уберите. Не надо меня трогать.

– Вы поглядите на него, а… Орёл нашёлся!

– Ну уж явно не трясогузка, как некоторые, правда?

– Поговори мне ещё! Ну-ка живо на пару!

– Пиздец… – бубню себе под нос, пока она стоит столбом и смотрит на нас как на каких-то маргиналов. Вообще уже оборзела тётка. Везде, сука, лезет. И ладно бы место знала. Так нет. Как улыбаться моему папаше или маман – первая. А потом изображает из себя хуй пойми кого… Пизда с ушами.

– Садитесь…

Начинается лекция по информатике… А я схожу с ума. Буквально.

Не могу найти себе места. Все мысли о ней. И кровь кипит, как только вспомню, что вот эта правая рука сегодня скользила по её ноге… Да я бы её, блядь, всю залапал… Если бы заднюю не дала. Мне не просто хочется, я горю. Это ненормально…

Старая сидит в телефоне. Копошится. И тут дверь неожиданно открывается, она откладывает телефон и идёт туда.

– Лариса Дмитриевна, Вас вызывают там… Пришли из комитета… – слышу я тихий разговор, и она тут же обращается к нам.

– Так, значит, читаем внимательно и составляет алгоритм программы. Приду – проверю, – и исчезает за дверью. А я сижу и смотрю на то, как горит экран её телефона… Она его, блядь, не заблочила… И не забрала… Это мой единственный, сука, шанс.

– Пацаны… Выручайте, а…

– Чё?

– Прикройте, мне вот прям позарез надо до него добраться.

– Ахахахаха, ну беги, я на стрёме, – тут же подрывается Барс и бежит вниз к двери, ну а я к её телефону. Все, разумеется, пялятся на нас, даже девки. Включая недоумевающую Вику. Но мне посрать. Я успеваю до блокировки экрана, лезу в контакты, достаю свой телефон и ищу «Полина…

Поли…». Есссс… Блядь… С-с-сука!

Полина Сергеевна Жигалова.

Вбиваю себе её цифры и от счастья свечусь как фонарный столб, реально… Вот это, мать его, ощущения.

Барс тут же начинает мельтешить.

– Го, го, го, братка…

– Всё, выхожу, – кладу на стол аппарат, и мы с ним возвращаемся на места аккурат перед тем, как крыса заходит обратно…

Я тут же жму ему руку под столом, а он ржёт.

– Должен будешь.

– Хоть чё, веришь нет…

Я и душу готов за номер её продать.

– Ага.

Блин, у меня пальцы дрожат, как у сопляка какого-то… Я глазам не верю. Номер… У меня теперь есть её номер. Я просто сижу и смотрю на него, не зная, что написать…

Выдыхаю, кажется, на всю аудиторию…

«Привет, Снежинка…», – пишу и меня всего пидорасит. Мне кажется, у меня он сейчас из рук тупо выскользнет. Я сто лет сообщений обычных не писал… И по ощущениям это как запулить послание инопланетянам и ждать коннекта с новым разумом… И когда это происходит… Бляяяяядь.

«Я не поняла… Откуда у тебя мой номер????», – приходит буквально сразу же, и я расплываюсь в улыбке, как еблан.

– Вершинин?! Сделал задание?! – вырывает из мыслей

Лариса.

Смотрю на пустой листок и эээээкаю…

– Нет ещё, не сделал.

– Поторопитесь, осталось пять минут, – гонит она нас, а мне вот вообще поебать. Я продолжаю смотреть на наш чат.

«Сегодня, походу, лучший день в моей жизни, Снежинка», – строчу и понимаю, что она может, наверное, заблокировать… Но сам факт, что мы уже общаемся в сети, заставляет меня слетать до Марса и обратно.

«Выйдешь сегодня ко мне?».

«Нет».

«Ну, пожалуйста… Выйди».

«Не пиши больше. Никогда!».

«Вредная… Сладкая вкусная вредная преподша»…

«Вершинин, ты нарываешься. Я кину тебя в блок!».

«Не кинешь. Хотела бы – сразу кинула, а не угрожала бы, Полина Порносергеевна».

«Как ты меня назвал, гадёныш?!».

«Ахахаха. Выходи ко мне в семь. Я буду очень ждать».

«Будешь один там стоять, потому что я ни за что не выйду! Всего тебе доброго!».

«Пооооль…, – пишу я следом. – Полинаааа… Полина Сергеевна?!».

Она больше не отвечает мне… Но у меня в груди что-то теплится. Надежда, что я всё равно её увижу. Я просто это знаю. Где-то в глубине своей аморальной испорченной ду-

ши… Поэтому я не стремаюсь написать ей последнее перед тем, как пойти ломать забор, если не откроет мне дверь добровольно и не выйдет ко мне вечером…

«Самый сладкий поцелуй в моей жизни. Я хочу ещё…».

Глава 18.

Полина Жигалова

Откуда у него мой номер, я не знаю, но всё становится ещё сложнее… Хотя я в любой момент могу его заблокировать, он прав. Только я почему-то не делаю этого, а читаю… С жадностью читаю всё, что он пишет. Поглощая каждую строчку, каждую букву. Отвлекаясь от лекций. Проваливаясь туда всеми своими мыслями… Снова и снова вспоминая ту дорогу, ту ночь… Наш поцелуй. Губы уже забыли его касания, но я помню. Я так помню, словно это случилось сейчас… Из мыслей не стереть, как ни старайся…

– Переписали? Отлично… Завтра я приведу ещё примеры, и мы разберём всё детально… Можете быть свободны… – отпускаю последних студентов и боюсь выходить из аудитории. Боюсь, но телефон из рук не выпускаю. Перечитываю сообщения, пока могу это сделать. После всё равно придётся удалить…

«Самый сладкий поцелуй в моей жизни. Я хочу ещё…».

Сердце так долбит в груди, что мне кажется, слышит весь универ. И Вершинин тоже может услышать, конечно… Я просто уже не знаю, как и где от него прятаться. И что делать, если я что-то испытываю… Что-то абсолютно неправильное, постыдное, запретное, рвущее все мои нервные окончания

на части.

Телефон неожиданно звонит, и я тут же отвечаю, потому что это Вова. С ним даже секунда промедления может привести к скандалу.

– Привет… – одно слово, произнесенное им, и то заставляет меня съёжиться.

– Привет, я собираюсь домой… – излишне нервно сообщаю, и он молчит несколько секунд.

– Что-то случилось? Голос странный…

– Да нет, ничего. Просто я засиделась с формулами, вздрогнула, когда ты позвонил…

– Если нечего скрывать, то и нечего дрожать, Полина, – будто назло добавляет он.

– О чём ты вообще...?

– Лариса Дмитриевна звонила… – неожиданно говорит и я сглатываю. – Ты не сказала, что у тебя там какой-то странный препод на кафедре…

Сердце начинает колотиться ещё сильнее, но меня будто мгновенно отпускает, потому что речь не про Вершинина, а про этого мужика.

– А что я должна была сказать? Я с ним не общалась даже…

– Ещё раз будет звать тебя куда-то… Подвезти и прочее…

– Я сказала, что у меня есть муж. И что я на машине. Я его сразу отшила…

– Молодец, но… Впредь говори мне, Полина. Я поставлю

на место…

– Хорошо, Вова, извини, я просто… Не хотела, чтобы ты волновался…

– А вот пиздеть мне не надо, – угрожающе цедит он. – Не знаю, почему ты не сказала, но, очевидно, не поэтому…

Боже… Он бредит. Я молчу.

– Езжай домой, не задерживайся там лишний раз.

– Хорошо, – прощаемся. Я тут же сгребаю всё и бегу к своей машине… Уже перед тем, как садиться, смотрю в окно второго этажа и понимаю, что Лариса Дмитриевна смотрит на меня, встав за жалюзи. А как только я палю её, отходит… Выглядит это всё ужасно трешово, если честно. До тошноты неприятно. Затем понимаю, что Вершинин выходит с крыльца, когда я уже завожу двигатель, и пока всё не превратилось в кошмар наяву, быстро давлю педаль газа в пол и уезжаю оттуда, словно пуля, чуть ли не врезаясь в другого участника движения…

Руки потеют на руле от страха. Сердце доходит до горла и обратно. Я не знаю, что мне делать с ним… Он всегда так смотрит, будто обнажает меня догола…

Дома оказываюсь через двадцать минут. Прислонившись к стене прихожей спиной, достаю телефон…

«Сбежала от меня снова. Давай поговорим».

«Нам не о чем разговаривать!».

«Нам есть о чём!», – в моей манере пишет сразу же. И я слышу, как из окна доносится рёв его турбированного мото-

ра. Понимаю сразу, что он приехал… Но отвечать больше не стремлюсь.

Пытаюсь заниматься своими делами. Переодеваюсь, принимаю душ, параллельно отвечая на сообщения мужа. Ужинаю… Грущу. Смотрю в окно… Понимаю, что вижу новые лица напротив… Видимо, его родители вернулись… Женщина обнимает и целует его прямо на входе в дом. Мужчина жмёт руку и обнимает… Марк бросает взгляд в моё окно, пока всё это происходит… Но я стою за занавеской. Вряд ли он видит. Хотя может, конечно… И я всё глубже себя закапываю… А они исчезают в доме, оставляя за собой лишь свет на крыльце.

Минут через сорок мне приходит новое сообщение.

«Ты выйдешь ко мне? На пять минут хотя бы».

«Нет».

«Полина. Выйди. Поговорим».

«Я не могу, Марк».

«Твой муж вернулся?».

«Нет. Дело не в этом».

«А в чём дело? Сама не хочешь? Я не верю. Ты хочешь. Я не мальчик тебе. Всё прекрасно ощущаю. Выходи, говорю. Есть разговор», – он отправляет мне последнее, а я вообще не знаю куда себя деть. Понимаю, что это я веду себя здесь как глупая малолетка… Бегаю от него, как мышка от кошки… Даю ему повод так думать. Сама не блокирую. Поступаю глупо.

Через пять минут желание увидеть его или так называемое притяжение берёт верх над разумом. Я надеваю тёплую кофту и иду туда, где всё началось… На нашу дорогу. Чувствую, что руки дрожат. Не знаю, как себя с ним вести. И когда выхожу, он уже ждёт меня на бордюре с сигаретой в зубах.

– Что?

– Сядь… – просит, и я просто сажусь рядом с ним. Не хочу ни ругаться, ни спорить. Ничего из этого.

– Слушай, мне жаль, что я так резко вчера сделал, хотя о сделанном я нифига и не жалею…

– Вершинин… Где ты взял мой номер?

Он ухмыляется.

– Это имеет значение? Секретная информация, – затягивается и смотрит на меня, выдыхая дым прямо мне в лицо, и я начинаю кашлять. – Прости, прости… Снежинка… Я думал, ты куришь…

– Вовсе нет. Это была единственная моя сигарета за два года…

– Мощно… – тушит окурок о бордюр справа. – Что же так пробудило тебя на неё? Развод? – угорает, и я мотаю головой.

– Ты неправильно всё понял. Нет никакого развода. У меня действующий брак.

Марк смотрит на мои губы. И я не могу просто… Стоит ему взглянуть, как у меня всё внутри сжимается в тиски. Я не могу дышать.

– Кажется, тебе пора домой к родителям, – настаиваю, и он улыбается.

– Я знал, что смотришь… – его рука тянется ко мне, я пугаюсь, чуть подаюсь назад, но он аккуратно снимает прядку волос с моего лица и заводит её за ухо. И от этого жеста всё внутри ёкает. А ещё возникает ощущение, будто моё сердце сейчас давят через соковыжималку… – Спасибо, что вышла ко мне. Нужно было тебя увидеть…

На данном этапе слова не как оружие. Они как лекарство. Я слушаю его и мне становится легче. Хотя всё ещё не понимаю, как это может быть нашей реальностью. Мы разные. Мы не можем быть вместе. Нам даже вот этого всего нельзя. Ни говорить, ни смотреть друг на друга, ни так безумно желать.

– Что ты творишь вообще, Марк…

– Сам не знаю, – отвечает, рассматривая меня. – Просто когда смотрю на тебя… – подводит два пальца к виску и делает вид, что стреляет. Вроде бы по-мальчишечьи глупо, а вроде бы я прекрасно понимаю о чём он говорит… Он тянется к моим губам, чуть удерживая за лицо и прикрывая глаза. И сначала я откровенно подаюсь назад, а потом… Какая-то сумасшедшая сила подталкивает меня к нему. Просто к нему… И это так по-человечески. Так по-настоящему. Поцелуй длится всего секунд пять. Он без языка. Лишь его губы и мои. Но жадно втянутый воздух между нами делает его намного интимнее, чем могло быть… Разряды тока. Всполо-

хи в небе. Я растворяюсь в этих ощущениях. В теплых кончиках мужских пальцев на своём лице. В мягких губах, касающихся моих. В запахе его парфюма, который заставляет моё сердце клокотать в грудной клетке… А потом всё резко и одновременно плавно заканчивается… Марк смотрит мне прямо в глаза, будто видя моё отчаяние. Встаёт, отряхивается и просто начинает уходить к себе, пока меня разрывает на ошмётки от этих парадоксальных эмоций к нему…

Глава 19.

Марк Вершинин

Я не знаю, что это за фигня такая. Казалось, выебу и пройдёт… Но стоит с ней оказаться наедине, как я понимаю, что хочу не просто трахать. Я хочу внутрь. Я хочу туда, где скрыто сердце Снежинки. Я хочу, блядь, его плавить… Я хочу быть тем, кто видит её каждый день. Кто с ней говорит. Может ли так действовать запретное? Недосягаемое? Или дело исключительно в ней? Она уже меня целует. И я точно знаю, что хочет. Это не вынужденная хуйня. Всё она понимает… Но то ли там принципы размером с космодром, то ли дело ещё в чём-то… Я отчаялся. Это за гранью моего понимания.

И когда возвращаюсь обратно домой, мама смотрит на меня с неким подозрением… Ну она всегда всё чует по одному только моему виду. Мне никогда её наебать не удавалось, по правде говоря. Детектор лжи.

– Ты чего такой?

– Какой?

– Не знаю… – щурится. – Странный какой-то…

– Да нормальный. Обычный…

– Опять тут устраивал балаган, да?

– Чё? Нет, конечно…

– Марк. Отец не заметит, конечно, но я-то не слепая у тебя. Вижу же, что всё не на своих местах лежит…

– Да я просто тут экскурсию проводил, немного пошатали дом, – улыбаюсь, и она закатывает глаза.

– Если снова залезли в личное…

– Ма… Никто никуда не лез. И в прошлый раз тоже. Ты сама вытащила те доки и оставила их на тумбе.

– Паршивец… – обзывается, как обычно. – Иди давай. Пока отец не взялся за твоё воспитание.

– Ой, боюсь-боюсь… – начинаю уходить, и мама кричит в спину.

– Кстати, как с Викой?

Я сглатываю, обернувшись.

– Нормально всё…

– Марк… Точно нормально? – давит с таким лицом, словно я реально на допросе.

– Точно.

– Ладно, иди… – отпускает, а у меня все мысли о том, что с Викой реально всё нормально. Даже нейтрально и ровно, как кардиограмма у мертвеца. Ведь у меня на другую хуй стоит так, что им забивать гвозди можно…

Только она от меня шугается. И стоило поцеловать сейчас там снова, как все мысли о ней. Я ничего сделать не могу… Весь в мурахах до сих пор.

Поднимаюсь в комнату… Знаю, что завтра ещё предстоит слушать все мамины рассказы о поездке… Но сейчас мне тупо нужно переварить… И я иду к окну, потому что это уже как портал для нас с ней… Я будто чувствую, когда мы

думаем друг о друге… Подхожу, жду её… Жду…

И через три минуты она всё же появляется там… Даже сердце вдруг бьёт, словно в бубен.

Сколько можно вот так смотреть, а? Сколько можно друг друга мучить?

Я хоть щас на неё дрочить готов, признаю.

Это отвал башки…

Достаю телефон и пишу ей.

«Ты меня нарочно провоцируешь, да? Хочешь, чтобы я тебе забор сломал?».

Она роняет взгляд вниз, читает, судя по всему. Тоже пишет. Пишет… Пишет… И ничего в итоге не отправляет. Я пожимаю плечами. Мол какого хера…

«Снежинка… Ну чё ты мнёшься? Зачем смотришь на меня, если я тебе противен?».

«Я такого не говорила».

«Уже лучше. Как тогда?».

«Не знаю, Марк», – пишет и поднимает на меня взгляд. Смотрит так, словно нет этих тридцати метров. Словно мы их, блядь, напридумывали… Я касаюсь своего стекла. Она – своего… И я буквально чувствую её дыхание рядом… И запах, конечно же. Куда уж я теперь без этого кокоса…

«Зато я знаю. Ты не отталкивала. Сегодня внизу».

Пишу на свой страх и риск, как обычно. Потому что с ней иначе не бывает. Я реально боюсь, что заблочит. И спугнуть до смерти боюсь, потому что понимаю, что мы уже прошли

какой-то путь. Какой-то чёртов отрезок… Что-то успели перешагнуть… Но ещё не до конца… А терять то, что уже преодолели пиздец как не хочется. Правда…

«Ты даже не представляешь, как я мечтаю даже просто с тобой попиздеть внизу».

«Зачем это тебе?».

«А то ты не знаешь. Меня вставляет. Тебя тоже».

Молчание после этого сообщения убивает меня… Она смотрит.

«Ты понимаешь, что это опасно, да?».

«Да мне поебать, Полина. Я помешался на тебе».

Буквально через секунду оборачивается спиной к окну… Стоит так и начинает снимать с себя верх. Расстёгивает свою дурацкую блядскую пижаму на пуговицах, сбрасывает с плеч… И я, блядь, в ауте… У меня внутри такой блядский пожар, что я опасаюсь сжечь дом вместе со всеми домочадцами… Хули творит…

Я прилипаю лбом к стеклу… Дышу так, что всё запотевает…

Но она передо мной… Там… Напротив… Оборачивается…

Сука…

Вот хотите верьте, хотите нет…

Но Снежинка демонстрирует мне свою грудь прямо сейчас…

Я не то, что не шевелюсь при этом, я не дышу даже. И

удары сердца прекращаются, потому что всё вокруг замирает… Глаза каким-то чудом успевают и умудряются рассмотреть всё. И всё именно так, как я себе представлял и фантазировал… Она всё ещё смотрит… На то, как я прилип к окну… Я тоже снимаю свою футболку. Готов и трусы снять, клянусь. Готов прям голый к ней прибежать. По фасаду, сука, подняться на второй этаж… Но что-то мне подсказывает, что это не то вовсе… Не зазывалка на еблю, а… Какое-то лютейшее невозможное отчаяние, которое ломает нас обоих на части.

Мы так и стоим голые по пояс, глядя друг на друга из окон…

Я хочу написать, но не могу оторваться изучать её. Не могу даже на секунду отвернуться… Только когда она будто вздрагивает и прикрывает себя руками, а потом и вовсе отходит от окна, хватаюсь за телефон снова.

«Не закрывайся от меня. Вернись».

«Я не могу… Я просто так не могу. Прости меня».

«Блядь, Полина! Сергеевна… Снежинка… Вернись обратно. Я тебя умоляю».

«Ты понимаешь, что это ужасно? Что мы не можем так поступать друг с другом?».

«Я понимаю только то, что меня к тебе через улицу тянет, как силками, блядь. Как будто нет ни стен, ни окон, ни даже воздуха. И понимаю, что ты это понимаешь. А чё делать с этим не знаю».

«Забыть».

«А ты сама можешь забыть? Или хотя бы так… Хочешь этого? – пишу я и тут же отвечаю за неё. Пальцы при этом дрожат. Руки трясутся, как у алкаша какого-то. Пиздец просто нереальный. – Ты этого не хочешь. Ты хочешь рискнуть, я это чувствую. Иди ко мне, малышка. Я хотя бы визуально тебя сожру, раз это пока наша с тобой реальность».

Проходит три минуты… И сердце уже успевает сделать переворот пятьсот тысяч раз, пока Полина не возвращается обратно и я не начинаю дышать заново полной грудью, глядя на неё через это долбанное тайное окно…

Глава 20.

Полина Жигалова

Я не знаю, зачем так сделала… Это что-то неподвластное логике.

Он такой красивый… И я так хочу туда. К нему… Что стоять ровно не могу. Сердце из груди вырывается от того, настолько это всё жестоко и неправильно. Мы не должны так себя вести. Мы не можем… Но ведём. Ведём, потому что, кажется, это первый раз за всю мою жизнь, когда я действительно чего-то хочу и что-то чувствую… Оно рвёт меня на части. Оно ломает пополам… Истончает, снимая слои по миллиметру… И я буду ненавидеть себя потом. Буду бояться… Буду трястись, я это знаю… Но сейчас… Сейчас я просто в этом мгновении, где Вершинин стоит напротив в окне своего дома такой же полуголый и уязвимый, как я… Наблюдает за мной…

Касаясь стекла пальцами, я думаю только о том, что бы было, если бы этих метров не было… Что бы было… Если бы я позволила этому случиться между нами. Если бы он прикоснулся. Проскользил руками по моему телу. Сжал, где нужно и нежно поцеловал в плечо… Мне кажется, я бы умерла от ощущений в одночасье. Я бы не выдержала. У меня от одного вида и осознания, что я делаю, кровь кипит так сильно, что я слышу этот звук. В комнате непростительно

горячо. Воздух накален до предела…

И зная, какой Марк напористый, какой он безбашенный, я будто чувствую его рядом с собой. Здесь. В этой комнате… Жадно смотрящего, берущего… Атакующего моё личное пространство… И не знаю, что делать…

«Потрогаешь себя для меня?», – приходит через секунду, и я смотрю на экран.

«А ты?», – печатаю в ответ дрожащими пальцами. Вообще не ожидаю, но… Вижу в окно, что он снимает с себя трусы… Жадно плюёт на свою ладонь и начинает. О, Боже…

У меня ощущение, что я смотрю какое-то извращенное грязное порно с нашим участием.

Я не вижу его полностью… Но часть его члена, разумеется, выглядывает вместе с ладонью, скользящей по нему… У меня спирает дыхалку и грудную клетку сжимает в тиски…

Я так могу? Вот так? А если кто увидит? Вдруг кто-то выглянет ещё? Хотя с первого этажа, наверное, ничего не видно… Мамочки, как же страшно…

Тем временем глаза Марка буквально пожирают меня с той стороны. Я еле стою на ногах от напряжения. Меня мотает…

Я касаюсь себя внизу, и меня как простреливает. Нихрена не понимаю… Но руки всё понимают. Особенно то, что там уже и возбуждаться не нужно… Всё мокрое, всё податливое, расслабленное… Низ живота бесстыдно тянет. Пальцы скользят по набухшему клитору, лаская его максималь-

но чувственно и по плечам тотчас же скатываются мурашки, будто от его горячего дыхания позади меня… Я сильнее смыкаю ноги. Если бы он был здесь – расставила бы их для него шире. Сделала бы как попросил. Даже если бы потом всю жизнь жалела о содеянном. Чувствую, что с каждым движением это не выглядит как бред сумасшедшего, а только усиливает мои фантазии на этот счёт… Я смотрю и чувствую его рядом. Соски торчат от напряжения. Голова начинает кружиться… Я так близко прилипла к стеклу, что это почти больно. Уткнулась лбом и продолжаю творить эту вакханалию, в которую он меня втянул… Или же втянула я? Я же первая начала раздеваться…

Марк тем временем смотрит то на свой член, то на меня… Лицо его всё напряженное. Я не представляю, что внизу… Но у меня здесь конкретный потоп. Пальцы активно двигаются, смазка течёт, ноги сжимаются и глядя на него, реакция не заставляет себя ждать… Я кончаю, буквально вскрикнув и прижавшись щекой к стеклу… Еле стою на ногах… Но одним глазом наблюдаю, как взрывается и мой партнёр, опустив лоб на вторую руку, которую приставил к стеклу… Мы оба красные, оба запыхавшиеся и изнеможденные… Я это ощущаю своим нутром. Я хочу к нему. От стыда я просто не знаю куда себя деть и тут же отрываюсь оттуда, закрыв за собой штору и рухнув на кровать тяжёлым грузом, даже не глядя на то, как он отреагирует… Не думая об этом…

«Снежинка… Спокойной ночи. До завтра. Сладких снов»,

– приходит мне сообщение на телефон, почти заставляя меня заплакать от нежности, и я перечитываю его, наверное, сотню раз перед тем, как уснуть, но так и не отвечаю на него…

***

Утром я продираю глаза от будильника… Сердце колотится ещё до того, как я полностью проснусь… Я понимаю, что вчера произошло. И ещё понимаю, что мне всё это снилось… Бесконечное количество раз…

Встаю, иду в ванную, чтобы пописать и тут слышу, как дверь внизу открывается… Понять не могу, что это такое. Застываю. Даже писать перестаю на мгновение.

– Полина? – звучит Володин голос. А у меня зубная щетка во рту. Руки трясутся. Ноги тоже ходят ходуном, хотя стоят на месте. Парадокс.

– Я наверху! – кричу со щёткой в зубах и тут же хватаю телефон, начав удалять оттуда всю переписку. Боже! Боже! Пальцы не попадают местами, но я старательно пробую снова. Очищаю всю историю, блокирую абонента, откладываю телефон в сторону, смываю за собой, быстро сплёвываю и открываю дверь в ванную, буквально сразу же напоровшись на своего неожиданно вернувшегося из разъездов мужа.

– Привет…

– Привет, сахарная моя… Я вернулся… – склоняется и целует меня в щёку, прихватив за локоть одной рукой. От него веет не просто опасностью. Я даже не знаю, как это опи-

сать. Но от него за версту несёт моей болью. Он же нарочно явился без предупреждения. Ублюдок. – Скучала?

– Да… Очень, – проглатываю ком и обнимаю его за шею, а сердце в груди с ума просто сходит. Не могу даже стоять ровно.

– Вся дрожишь… – констатирует, зарывшись в мои волосы. – Удивлена моему приезду?

– Я… Не ожидала, ты сказал – три дня. Я ждала только завтра или послезавтра… У меня же пары…

– Я позвонил уже и договорился, что сегодня ты не пойдёшь на них, – шепчет мне прямо в ухо, а потом сжимает мою задницу в своей руке. – Быстро душ приму и приду к тебе. Жди меня в спальне. – отпускает и уходит, а я так и стою, прилипшая к полу, и бросаю взгляд в огромное зеркало над мраморной раковиной… Мне хочется зарыться в угол и никогда не вылезать из него отныне…

Глава 21.

Марк Вершинин

Просыпаюсь пиздец счастливым… С новым стояком, разумеется. С ночи там всё так и держится. Все мысли были о ней и только о ней… Вообще ни о чём думать больше не мог. Эти сиськи с аккуратными розовыми сосками, эти кислотные глаза, это дыхание, которое я, казалось, уловил через всё это дохуилионное расстояние… Тупо свели меня с ума. Не бывает таких больше. Таких охуенных. Таких дерзких, но в то же время нежных и ласковых. Она для меня создана. Я её всю вылизать хочу. Это вообще лечится?! Это, блядь, законно?

Я подрываюсь и первым делом иду к окну… Дом напротив молчит, я достаю телефон и пишу сообщение…

«Доброе утро, красавица. Как спалось?».

Но на экране высвечивается «ошибка отправки». Какого х…

Пытаюсь переслать заново – не выходит.

Снова смотрю на дом… Понять не могу. Заблочила, что ли?

Время на часах уже семь, но она, походу, уже уехала на пары, потому что я не вижу, чтобы там было хоть какое-то движение… Пиздец. Вспышку проебал. И не станешь же идти колотить в забор при родаках. Они не поймут этого…

Ладно, Полина Сергеевна, я разберусь с Вами в универе. Обязательно…

А сейчас иду в душ дрочить, разумеется. Потому что после вчерашнего стояк такой, что он не даёт мне ни ходить, ни думать нормально… Меня всего пидорасит из стороны в сторону. И когда я сливаю в сток, сказать, что избавился от напряжения, не получается. Ибо это всего лишь один раз. А что такое один раз, когда у тебя башню срывает от этой девочки? У меня вообще ещё никогда такого не было… Это клиника просто какая-то.

Спускаюсь вниз на кухню, где маман уже сидит, закинув ногу на ногу и пьёт свой кофе, глядя на меня из-под наращенных ресниц.

– Опаздываешь… – отчитывает деловым тоном.

– Ничего подобного. Время без двадцати.

– Без двадцати, а ты ещё даже не ел, Марк.

– Я выпью кофе и полечу, чё мне… – отвечаю, наливая себе кружку. – Отец где?

– Спит ещё… Отсыпается. Сегодня в три важная сделка…

– М-м-м… Ясно. А у тебя какие планы?

– А я отдохнуть хотела… Устала за эти дни…

– Устала отдыхать, да? – угораю я, а она цокает.

– Вообще-то оказывать моральную поддержку твоему отцу гораздо сложнее, чем ты думаешь. Ещё сильнее выматывает. Все эти сборы с конкурентами и компаньонами… Их жёнами… Это тяжело, я серьёзно говорю…

– Да верю я, верю, – усмехаюсь, плюхнувшись напротив.

– Приводи Викулю сегодня, а…

Сглатываю, глядя на маму, и пожимаю плечами.

– У неё там чё-то с родаками. Посмотрим… – выдумываю на ходу, и она хмурится.

– Жаль, я хотела бы увидеть её…

– Ну пока не могу сказать точно… – смотрю на часы. – Ладно, ма, время, ты права…

– Кофе даже не допил!

– По пути заеду куплю себе, пока.

Чтобы не разглагольствовать на тему Викуси я быстрее пули сваливаю из дома нахрен. Вообще не хочу о ней думать… Хочу только одного. Увидеть свою Порносергеевну и зажать её где-нибудь, чтобы реально прочувствовать всё, что было вчера… От и до. Влажность, температуру, давление… Я, блядь, ей такое давление хочу продемонстрировать, чтобы её трусы сами сдвинулись в бок, гостеприимно подталкивая меня внутрь её тугой норки прямо в аудитории. Бляяяядь…

Как вести тачку в таком состоянии? Когда у меня тут третья нога выросла… Одна на газе, другая – на тормозе, а третья… Третья щас достанет до руля и развернет машину не в ту сторону… Пиздец.

С трудом доезжаю до универа. С трудом успокаиваюсь… Вика до сих пор злится на меня, но мне поебать. Я прохожу мимо неё и всех её тупорылых подружек, часть из которых так же когда-то лежали подо мной, безропотно раздвинув но-

ги… Иду искать свою Порноснежинку… По пути здороваюсь с пацанами, они говорят, что не видели её… Тогда приходится всё же топтаться возле кафедры. Стою я там минут десять точно, пока все не расходятся. А её всё нет и нет… И я слышу разговор за стеной, где Лариска жалуется кому-то о том, что вынуждена сегодня провести дополнительную пару у группы 215… И мол Полина Сергеевна осталась дома, взяла отгул.

– Ну некоторым всё можно, Тамара… Ага… Не говори…

Второго голоса не слышу, да и Тамар у нас вроде как никаких нет, а значит, она треплется с кем-то по телефону… Ёбанная сплетница.

– Только пришла, конечно… Вот буквально с этого учебного года и уже… Ага. Да… Ну там такой папик, ты бы его видела… Он за неё, видимо, и бриллиантовые горы готов отдавать… Ой не говори… Золотая пиздёнка… – и хихикает, как последняя сука.

У меня сжимаются зубы. Дальше я ничего не слышу, потому что кровь дурит и ревность прожигает такая, что я с трудом стою на своих двоих. Концентрируется всё это дело в грудной клетке. Аж стреляет нервные окончания. Ебучий яд... Он расползается повсюду.

Но неожиданно дверь открывается, и она чуть не врезается в меня с грозным видом.

– Вершинин! Иди давай отсюда на пары! Не стой столбом!

Я хмурюсь, переваривая то, что услышал… И пытаюсь по-

нять, что там случилось такого… Или она не пошла из-за меня, или этот мудак вернулся?... Она же скажет ему, что всё кончено, да? Она скажет это?

С хера ли ей это делать, Марк?! Очнись, сука! Она даже дома с ним осталась!

Если бы можно было передать, что я сейчас испытываю, я бы просто разъебал кафедру… Но даже пошевелиться не могу, до того внутри всё сковало и жжётся. Невыносимо просто… Это ёбанный пиздец… О чём я только думал, когда всё это начинал, реально?...

Глава 22.

Полина Жигалова

Смотрю в потолок уже около получаса и не могу встать. Не хочу…

Володя в душе… А у меня ощущение, что меня вывернули наизнанку. Сказать, что он удивился, что я такая мокрая с утра – ничего не сказать. И я не буду объяснять, что я представляла, когда всё это происходило. Кого я представляла… И так всё понятно. Без слов.

Внутри меня просто раздирает на кусочки. Я бы хотела расплакаться, но он ненавидит мои слёзы. Я бы хотела раскричаться, но он не терпит криков… И поэтому я научилась молчать. Молчать, пока душа воет раненным зверем.

«Так всем будет проще»… Думаю, эта фраза как перманентное моё внутреннее состояние. Как там говорят… Мой муд по жизни. Я боюсь теперь.

Боюсь, что он узнает о вчерашнем. О Марке… Я боюсь случайно назвать его имя. И сейчас под Володей боялась. Но в итоге даже не пискнула. Просто молчала и всё. Хватало и его грязных комментариев на этот счёт.

Не знаю, что вдруг на него нашло и чего он вернулся таким голодным. То ли ощутил что-то, то ли просто решил меня так наказать своим присутствием, но факт в том, что я мечтаю смыть с себя всё это… Я просто хочу, чтобы это за-

кончилось. Поэтому когда он выходит из душа, я сразу же спешу туда тоже.

Исчезаю за дверью и только тогда даю волю слезам… Потому что вода глушит. Потому что с ней ничего не слышно и она быстро смоет остатки слёз. Так что никто не увидит моей слабости… Никто не узнает, что здесь происходило. За этими закрытыми дверьми.

Я выхожу минут через тридцать…

Его уже нет в комнате, слава Богу… Я спускаюсь вниз и понимаю, что он пьёт алкоголь и закусывает чем-то, пока я прохожу мимо к холодильнику.

Его скользкий взгляд цепляется за мою фигуру. Я даже физически его ощущаю. Как поводок, ведущий меня от места до места. Сажусь рядом с ним, смотрю в одну точку, стараясь держать лицо, но он будто что-то чувствует. Он всегда что-то чувствует. Да и нужно быть дураком, чтобы не понять, что твоя жена не любит тебя и не хочет. Я знаю, что он это понимает… И знаю, что он должен быть удивлен. Наверное, думает, что у меня овуляция. Благо в терминах он разбирается, иначе бы уже точно нарисовал мне любовника и отвесил за него.

– Что с лицом?

– М? А что с ним? – переспрашиваю, подняв на него глаза. – Всё нормально…

– Полина… Что происходит? Я же не тупой. Я вижу, что ты ведешь себя странно. Я мало для тебя делаю, скажи?

– Нет. Ты делаешь очень много…

– Так какого хера…! – выкрикивает он, ударив ладонью по столу, а потом сам себя осекает. – Какого хера ты такая…

– Я просто переживаю из-за всего. Инга, переезд, новое место работы… Но это не значит, что я не благодарна тебе…

Он молчит, запивая мои слова с какой-то противной фальшивой улыбочкой. Лучше не спорить. И ничего не доказывать. Я уже чувствую, что будет хуже.

И буквально в эту же секунду он зовёт меня к себе на колени.

– Иди сюда…

– Я поесть хочу…

– Иди. Сюда, – уже с расстановками говорит и стоит мне подойти к нему, как его рука болезненно заползает в мои волосы, которые он полчаса назад чуть не вырвал из моей головы и сжимает их там. – Неужели тебе нравится, когда я такой, а? Почему нельзя быть умнее? – спрашивает, бодая меня лбом. И от него так прёт виски, что меня тошнит. Но я молчу. Только сглатываю, глядя ему в глаза. – Я готов весь мир к твоим ногам положить. И сестра твоя… Вот в этих руках. Ты видишь? Вот в этих… – напоминает, словно издевается. Будто я могла это забыть.

– Я знаю, – шепчу болезненно в ответ. Он стискивает челюсть и буквально отбрасывает меня в сторону, так что я еле хватаюсь за столешницу. Голову жжёт, а он продолжает пить. Берёт бутылку, блюдо с какими-то нарезками и просто

проходит мимо, оставляя меня одну на кухне… Моё сердце в груди не просто наяривает… Оно изнывает. Я еле стою. Еле передвигаюсь, когда делаю себе обед… Есть совсем не хочется. Кусок в горло не лезет, но у меня нет выбора… Я не ела утром, он не позволил. Не выпускал из спальни просто. Оставил кучу синяков на моих руках. Я даже не знаю, как это теперь скрыть, но скрыть придётся…

Неожиданно телефон начинает звонить. Я чуть в обморок не падаю, думая о том, что это Вершинин с какого-нибудь чужого номера. И Володя реагирует, потому что я слышу, как музыка на фоне становится тише. Но мне повезло, это просто Лариса Дмитриевна.

– Алло, Полина Сергеевна? Извините, что беспокою… Мне сказали, что Вы сегодня в отгуле… – говорит она, не дожидаясь моих ответов. – Я хотела спросить, завтра Вас тоже придётся подменять? Просто у меня дочка приезжает… И я, наоборот, хотела отпроситься, поменяться…

– Нет, завтра меня не нужно менять. Я могу отработать Вашу пару без проблем, – отвечаю каменным голосом, будто автоответчик.

– Ой, как хорошо. Спасибо Вам огромное, Полина Сергеевна, тогда до завтра, – она кладёт трубку, а я смотрю на Володю, стоящего на пороге со стаканом.

– Норовишь сбежать от меня?

– Нет… Просто ты же сам меня туда устроил…

– Я знаю. Я думал, время вместе проведем… – говорит

он задумчиво. – А хотя ладно… Можешь идти в свою богадельню. Я не стану задерживать.

Я молчу, глядя на свою еду. А он рассматривает меня.

– Я перегнул, Поля… Я скучал по тебе. И мне не нравится, когда я вижу тебя такой отстраненной… Если я где-то не так себя повёл – скажи. Мы можем переиграть…

Мне хочется ответить, но я знаю, что это ловушка. Потому что сначала я велась на это. Я ведь правда хотела его полюбить. Таким, какой он есть. Да вот только вскоре поняла, что любить в нём нечего. Он пустой. Жестокий. Ледяной человек, в котором есть лишь деспотичность и больше ничего. Он непреклонен и не терпит слабостей, поэтому я мотаю головой.

– Ты делаешь для меня всё. Я не права. Видимо, усталость даёт о себе знать. Прости…

Он смотрит на меня долго, внимательно, а потом издаёт такой звук, похожий на саркастический смешок, и уходит обратно в гостиную… А я думаю о том, что мне делать завтра… Когда я увижу Марка на своих лекциях… После всего, что произошло… Мне кажется, я умру.

Глава 23.

Марк Вершинин

Я в коматозе… Третьи сутки. Дома не был с тех пор, как увидел то, что не должен был видеть. У меня все шестеренки заклинило. Лучше бы я просто сдох тогда… Не хочу вспоминать. Я нихуя не хочу… Меня выносит. И мне максимально хуёво.

– Маааарк, телефон! Марчелло…

– Нахуй телефон… – еле вяжу лыком. Меня просто убивает это всё.

– Матушка твоя звонит…

– Посрать вообще… Скинься…

– Ок, как скажешь.

Дверь в комнату закрывается, и я снова проваливаюсь в алкосон у Барса дома, представляя, как ставлю Снежинку на колени перед собой… Ненавижу. Тварина… Все жилы мне выкрутила с корнями. Пополам сломала. Грёбанная стерва. Снится и снится, не переставая… За что мне это? И на чё я, сука, надеялся вообще?! Ёбанный щенок…

Не хочу вспоминать! Не хочу!

– Вылези из моей головы, сука! – резко поднимаюсь и понимаю, что мне приснился кошмар. Потираю ладонью по ебалу. Вокруг тишина… Смотрю на телефон. Он сдох. Сколько я тут провалялся, хз… Но явно больше двух суток.

Выползаю из комнаты кое-как… Парни подыхают на кухне, будто на водопое. Окружили графин толпой и сосут оттуда. Время на часах уже перевалило за одиннадцать.

– Дарова… Одыбал? Вика приезжала…

– Да? Давно?

– Утром… Сказала, что ей мамка твоя звонила…

– Ясно… Есть зарядник, а?

– Есть, ща… – Галя уходит за ним, а я пытаюсь прийти в себя. Подключаюсь, чтобы подзарядиться и хотя бы маму уведомить, что со мной всё нормально.

Разговариваем с парнями. Барс уехал в универ. Остались только я, Галя и ещё трое наших хороших знакомых. О личном я не треплюсь. Не стал ничего никому говорить, потому что стыдно даже думать об этом. Нахуй, блядь…

Когда телефон, наконец, оживает, я звоню матери, но естественно голос в трубке не сулит мне ничего хорошего.

– Марк, ты охренел?! Где тебя черти носят?!

Не такие уж они и черти, конечно… Хочется ответить, но лучше зайти с извинений. А-то реально прилетит по самое не хочу…

– Ма, соррян… Заигрался… Правда такого больше не будет…

– А ну живо домой, оболтус! Если не явишься через полчаса, я тебя лично линчую, понял меня?! Безобразие! Я тебе такое устрою!

– Так мне ехать или нет… Звучит уже опасно…

– Пошути мне ещё… Пошути, Марк…

– Я буду скоро, ма. Не начинай…

Она сбрасывает, а я уже понимаю, что пиздец. Не просто накосячил. Сел в лужу жопой. Но уже ничего не поделаешь… Если бы она знала в чём дело, она бы поняла меня. Ибо видеть, как ту, от которой рвёт башню, натягивает другой не просто, блядь, болезненно, это, сука, невыносимо…

Хотя я прекрасно должен был знать все риски. Я должен быть понимать, что именно так и будет. Но я опять напридумывал. Нафантазировал. Как обычно…

У меня нет сил даже ехать туда… Я не хочу, но знаю, что надо.

Поэтому с опущенной головой двигаюсь в ненавистный мне район, будто на казнь. По сторонам не смотрю, словно меня сразу же долбанет током, если вдруг. Меня тошнит от её забора, блядь! Вообще от всего!

Мама встречает осуждающим взглядом. Да я и сам знаю, что весь мятый… Не просто мятый, а ушатанный в ноль.

– Госссподи… Отец тебя убьёт…

– Ага, хоть бы…

– Что случилось, Марк?

– Ничего…

– С Викой что ли так сильно поругались???

Я молчу.

– Можно я пойду к себе уже, а, мама?

– Учти, Марк, что завтра ты должен идти в универ. Оттуда

уже звонили из-за твоих прогулов…

– Да ладно… Ваааау…

– Вот именно – вау. Иди давай, отсыпайся, приводи себя в нормальный вид. И завтра пойдешь в универ, как миленький!

Делаю низкий поклон, ничего ей не отвечая. Тащусь к себе, чтобы спрятаться ото всех и скрыться. Нахуй всё и нахуй всех.

Сижу, уставившись на окно, и боюсь к нему подходить. Мне противно и тошно, сука… Я чувствую ненависть, ревность и ярость. И всё это вкупе уничтожает меня изнутри… А потом я слышу звуки подъезжающей машины… И всё же иду туда, как задрот.

Вижу, как она выходит из неё, открывает свои ебучие ворота… Бросает взгляд в моё окно, но не видя меня, садится и заезжает в ограду, исчезнув там, словно жалкая трусливая мышь! Сука!

Я изведу себя быстрее, чем осознаю, что мне насрать на неё по сути. Но смириться не могу. Поэтому и только поэтому я набираю Викин номер. Хотя уже заранее жалею об этом. Но похуй вообще. Пляшем.

– Да…

– Дарова…

Она молчит.

– Я в курсе, что ты приезжала…

– Что с тобой такое происходит?

– Не знаю… – выдыхаю и нервно дёргаю коленом. – Приедешь? Мама хотела увидеть тебя…

– Да?

– Да…

Будто бы думает. Но я знаю, что уже решила. По голосу слышу.

– Марк… Что между нами?

– Всё по-старому… временно выпадал из жизни.

– М-м-м… Классно.

– Так бывает. Сама знаешь.

– Что надеть?

– Чулки и чёрное.

– Я про платье, дурак.

– А… Да похуй как-то…

– Ну твоя мама…

– Ну оденься поприличнее, да и всё…

– Поприличнее… С чулками. Поняла… – отвечает, и я сбрасываю… Я тебе, сука, устрою сейчас… Я тебе такое, блядь, устрою! Ты никогда это из своей памяти не выкинешь.

Вика приезжает через час, и я лечу вниз словно торпеда, чтобы встретить её. Разумеется, мама рада её видеть. А как иначе? Для неё постоянное – уже хорошее. Постоянное – помогает Марку быть на плаву.

– Здравствуйте…

– Давайте хоть чай попьём… Марк… Маркуша!

– Мы ко мне пойдём, – тащу её наверх, потому что мне

похуй на чай. Мне вообще на всё похуй… Шторы максимально открыты. Я буду её часами напролёт ебать у этого сраного окна. Пока не забуду… Пока это хуйня не вылезет из моей головы!

– Марк…

– Раздевайся.

– Даже потерпеть не можешь?

– Нахуй терпеть… Сама лезла ко мне. Снимай платье… Опускайся на колени и открой свой ротик…

– Хамло ты, Вершинин…

– Я сказал вежливо… Но могу и по-плохому… – говорю, подходя в упор, касаюсь губ пальцами, она тянется ко мне, чтобы поцеловать…

– Как же от тебя несёт спиртным… Фу…

– А ты не нюхай. Соси лучше.

– Ненавижу тебя…

– Да, да, я так и понял… – давлю на плечи, собираю её волосы в хвост и запрокидываю голову, а все мои мысли там, блядь… Там. Через дорогу от меня…

Глава 24.

Полина Жигалова

Лучше бы я умерла, наверное… Чем видела всё это… Но я понимаю, что так и должно быть. Что то, что я вижу сейчас, пока Вова разговаривает по телефону у себя в кабинете – норма. Что Вершинин трахает на моих глазах свою девушку, и я должна понимать, что именно это наша реальность. А не то, что мы себе напридумывали…

Его не было в универе трое суток… Я ждала, чтобы поговорить, но его не было. А сейчас он вернулся и…

Я вижу его там вместе с ней. Грязные картинки, от которых меня тошнит. И я понимаю, что не имею ни малейшего права ревновать или бить себя в грудь мнимой гордостью, что больше никогда с ним не заговорю после этого…

Разве что в рамках учебного процесса… Только это глупо.

Но слёзы никуда не денешь. И ком в горле, кстати, тоже. Он на месте. Всё ещё здесь. Эта боль сильнее всего, что я когда-либо испытывала. Я горю изнутри, думая о том, как она к нему прикасается. Я горю и знаю, что ничто не исправит этого…

Я закрываю штору, чтобы больше не смотреть… Оборачиваюсь и иду к столу, чтобы подготовить материалы для завтрашней лекции. В том числе у 311 группы… Я не знаю, как буду вести их, но постараюсь. Хоть и понимаю, что на

этот раз он скорее всего, точно придёт на мою лекцию… А если придёт, то я постоянно буду думать о том, что было между нами и чем это всё закончилось…

– Полина… – слышится из коридора, и я вздрагиваю.

– Да?

– Иди сюда.

– Сейчас, – задвигаю стул и иду к Вове в кабинет. Когда захожу, он сидит за столом с выпивкой и смотрит на меня покрасневшими глазами. – Что такое?

– Ты меня любишь? – неожиданно спрашивает, будто издевается. Я вся покрываюсь ознобом и киваю. А он вдруг начинает плакать. Я не понимаю, что происходит, но мне становится так паршиво от этого. – Иди сюда… – зовёт, и я подхожу вплотную. Его пальцы въедаются в мою одежду. А кажется, что сразу в кожу. Он прижимается, нюхает и прям рыдает передо мной, словно ребёнок.

– Вова… Что произошло?

– Ничего…

У меня сердце в груди разносится. Я просто не знаю, как себя вести. Сколько раз я плакала перед ним и ему было всё равно. Но он никогда не плакал. За все годы это впервые… Я просто стою как статуя, даже не знаю, как это воспринимать.

Он поднимает на меня свои глаза, чуть отпуская.

– Ты работала, да?

– Ну… Сидела за работой – да…

– Понятно, – кашляет, стирая с лица остатки слёз. – При-

несёшь ещё льда?

– Да. Конечно принесу…

Я ухожу со странным ощущением внутри себя… Словно меня поставили в угол и смотрят… На реакцию, на поведение…

Я беру лёд из холодильника, нагребаю небольшое ведёрко и несу к нему наверх, а когда захожу, вижу, что он сидит за столом и вертит в руках свой пистолет. От одного вида у меня мгновенно сковывает грудь. И все мысли только о том, что он перепил или что-то узнал… Я даже идти к нему боюсь. Застываю на пороге.

– Володя… Положи его, пожалуйста…

– Ты когда-нибудь думала… Каково там?

Думала и не раз… Но я просто мотаю головой.

– Положи его. Не нужно с ним здесь сидеть…

– Я хочу и сижу… А ещё хочу свою жену… – парирует он, глядя на меня волком. – Иди сюда, Полина…

Я слушаюсь только потому что если не пойду – будет хуже… Поэтому на деревянным ногах я подхожу и ставлю ведёрко возле него.

– Умница… Сядь… – зовёт меня к себе на колени, дёрнув за руку. Я падаю на него. Сижу и смотрю ему в глаза, сглатывая. А он опускает нос к моим волосам и вдыхает. – Только ты так пахнешь… Моя девочка… Ты же моя?

– Твоя… – отвечаю и чувствую, как он кладёт руку на моё лицо, касаясь холодным металлом кожи. Водит там пистоле-

том… И меня всю трясёт. У него есть разрешение на него. Вроде как он и экспертизу легко купил. Но мне кажется, что у него реально с головой проблемы. Особенно, когда он пьяный. – Вова… Володя… Мне так не нравится! – дёргаюсь, когда он ведёт его между моих ног, и тут же вздрагиваю, оттолкнув его от себя и двигаясь назад, а он смеётся на весь кабинет.

– Да ладно… Я же пошутил… Сахарная моя…

– Я боюсь тебя. Протрезвеешь и поговорим завтра, – отрезаю и тут же ухожу оттуда, закрыв за собой дверь. Меня при этом не просто трясёт. Меня колотит. Я не могу даже прямо идти. Можно сказать – передвигаюсь по стенке до спальни… Хотела сесть работать, но не могу. Поэтому просто падаю на кровать и начинаю истошно рыдать…

«Не закрывайся от меня. Вернись».

«Снежинка… Вернись обратно. Я тебя умоляю».

«Я понимаю только то, что меня к тебе через улицу тянет, как силками, блядь. Как будто нет ни стен, ни окон, ни даже воздуха. И понимаю, что ты это понимаешь. А чё делать с этим не знаю».

«А ты сама можешь забыть? Или хотя бы так… Хочешь этого? Ты этого не хочешь. Ты хочешь рискнуть, я это чувствую. Иди ко мне, малышка. Я хотя бы визуально тебя сожру, раз это пока наша с тобой реальность».

«Снежинка… Спокойной ночи. До завтра. Сладких снов»…

Я будто читаю снова и снова в своей голове… И будто слышу его голос при этом. Ту нежность, которую я просто ощущаю, даже если она идёт наряду с его наглостью и одержимостью… Даже если она ненастоящая и это только похоть. Я поверила в это настоящее, и я за него держусь. Там внутри. Где всё ещё мечтаю о том, что когда-то выберусь отсюда. Что когда-то мои чувства будут важны… Когда-то я смогу просто выбирать сама. Просто смотреть в глаза парня, который мне действительно нравится. Не бояться. Не стесняться. Не жалеть…

А по-настоящему быть любимой и любить, даже если во сне или после смерти…

Но когда-нибудь…

Когда-нибудь это обязательно случится…

Глава 25.

Марк Вершинин

Вызвал такси для Вики ещё в полночь. Она уехала… Родаки уснули, а я так и не смог. Ходил на улицу раз пятьсот. Курил и курил… Одну за одной. Ходил у неё под окнами, будто ебанутый на всю голову… Хотелось орать. Просто от бессилия. Я впервые ощущал себя беспомощным, уязвимым и пустым. А ещё капельку сумасшедшим, наверное. Потому что всегда именно так себе и представлял помешательство на чём-либо. И вот… Нарвался сполна.

Зашёл домой только в районе трёх ночи и даже испугался, увидев маму в гостиной. Наверное, не ожидал, что она проснётся из-за меня. Но материнское сердце, походу, и впрямь что-то чувствует. Не знаю, как это работает, но порой кажется, что факт.

– Марк… Ты чего не спишь?

– Покурить выходил…

– Всё в порядке? Сынок…

– Всё в порядке.

– С тобой будто что-то происходит…

Я сглотнул ком и нахмурился.

– Ничего. Просто устал, вот и всё. Я пошёл спать…

Только уснуть у меня так и не получилось. Ведь завтра нужно было идти на пару, на которую я идти категорически

не хотел, как и в целом в этот проклятый универ. Я ничего не хотел… Разве что сжечь дотла дом напротив, чтобы ни видеть ни его, ни её больше. Так было бы честно… Наверное…

***

С самого утра всё ещё пытаюсь прийти в себя от похмелья… Но вместо того, чтобы вкинуть в себя кофе или что-то съедобное, наливаю стакан вискаря и глушу его, потому что иначе там тупо не вывезу и не хочу… На их ебучий дом даже не смотрю. Мне похуй уехала она или нет. Мне похуй чё там происходит! Я должен жить дальше, как и всегда. Плевать на преподшу. Плевать на те короткие разговоры. На взгляды. На переписку и долбанную больную связь через окно. Это всё не то… Не то. Вообще пустое. Есть куча других баб. И я их ещё не пробовал. Точка.

Убеждаю себя и просто уезжаю, сев за руль как ни в чём не бывало, хотя если меня остановят, мне наверняка вставят пиздов после этого. Однако этого не происходит. И я иду на пару, встретившись по пути с Викой, Барсом, Галицким и другими… Стоим и пиздим в проходе. Я просто засунул руки в карманы и слушаю парней, пытаясь делать вид, что мне охуеть как весело, хотя на деле хочется удавиться… А когда я слышу знакомый стук каблуков позади у меня в мгновение спирает дыхание. За километр бы шла – узнал. Будто в меня вшит какой-то радар. Вика при этом почему-то прижимается сильнее. Не знаю, что она чувствует, но мне, блядь, не важно. Я весь покрываюсь испариной, ощущая как Полина просто

проходит мимо. Я даже не смотрю на неё… Но она будто нарочно задевает меня своим локтем. Нет, у меня глюки… Она не задевала… Это я просто так хотел… Это я так ощутил всем своим нутром… Задела она, сучка, другое… Сердце.

Кокос очень быстро выветривается. Пацаны смотрят на меня с удивлением мол «отпустил, что ли», а я молчу, думая о том, что был бы счастлив вообще никогда её не встречать. Но она мне нихуя при этом не обещала… Нихуя! Только вот после той ночи я чувствую, что она внутри. А вырвать её оттуда не могу. Как бы жестоко всё это ни звучало, нахрен…

Две эти пары проходят в новом коматозе… Только на этот раз не в алкогольном… Я просто сижу и смотрю в одну точку. Мне даже ленту в телефоне листать лень.

А вот на третьей паре… На третьей, той самой, я нарочно ухожу на самый верх. Когда захожу в аудиторию, делаю это, даже не глядя на неё. И мне похуй, видит она меня или нет. Мне похуй на всё. Я тупо стремлюсь спрятаться от неё подальше… Однако стоит услышать её дрожащий голос, я, сука, себе снова не принадлежу… Бросаю взгляд и ловлю её испуганный своим. Зелёные глаза, которые столь филигранно выворачивают мою душу наизнанку и срезают с неё грубые края… Я чувствую, как она делает из меня оленя. Но не могу сопротивляться. Всё смешивается в одну общую кучу. То, что мы делали той ночью, то, что я видел следующим вечером, весь мой алкозапой, вся вот эта ситуация… Больно в груди так, что трясёт.

– На прошлой паре мы исследовали на сходимость несобственные интегралы от единицы до плюс бесконечности…

«До бесконечности…», – крутится у меня в голове… Если бы она, блядь, знала, что со мной сейчас происходит. Если бы она только ощутила это. Потому что это расстояние между нами и кажется мне этой блядской непреодолимой бесконечностью… Эта мучительная дистанция. Этот блок. Эта показательная порка, которая длится уже трое суток, не переставая.

Я с трудом вывожу всю пару. Для меня это какая-то сраная пытка. Ещё пару раз мы сталкиваемся глазами, но я тут же отвожу свой взгляд в сторону…

– Можете быть свободны, – звучит тонкий голосок в конце, а я не могу встать со стула. Просто как пригвождённый к нему. Окаменел, залип и даже парни мои меня уже не ждут. Более того, Барс, заметив это, тут же обхватывает Викусю за плечо и уводит её прочь из аудитории, напевая что-то на ухо. А я думаю, что нахуй это всё. Я не планировал здесь задерживаться… Так что я всё же отрываю себя и спускаюсь вниз, проходя мимо неё, а она встаёт и выкрикивает мне в спину:

– Задержитесь, пожалуйста… Марк… Вершинин! – повышает голос, заставив меня застыть в дверях аудитории. Я медленно оборачиваюсь, проглатывая ком и меня всего, сука, дербанит на части один только взгляд этих пронзительных печальных глаз…

Глава 26.

Полина Жигалова

Я боялась, что он снова не придёт. Я так боялась и одновременно так хотела его увидеть, что утром наблюдала за его домом через занавеску, пока Володя спал. Хорошо, что вчера он меня не трогал. Нажрался до поросячьего визга и вырубился на диване в гостиной с пистолетом в руках, когда пошёл за добавкой… Я очень радовалась этому факту, потому что не смогла бы с ним больше спать. Меня передёргивает от него. Что уж говорить про оружие. Я его на дух не переношу. В такие моменты он ничего не контролирует. Я не знаю, что за приступ был вчера, но факт в том, что закончиться могло по-разному… На этот раз удача просто была на моей стороне раз избавила меня от его общества ночью…

Я позавтракала, выпила кофе и поехала на работу…

С кафедры приоткрыла жалюзи и поняла, что машина Марка стоит на месте, а это значило только одно… На третьей паре мы увидимся… И даже если так, мимолётно, мне было этого достаточно. Просто одним глазком, чтобы то, что внутри меня хоть немного улеглось… Но оно не улеглось. Стало только хуже.

Ведь чуть позже я увидела его в коридоре с той самой девушкой в окружении их компании… Снова почувствовала боль внутри, такую, от которой кружится голова и пульсиру-

ет в солнечном сплетении, но стерпела. Прошла мимо, стараясь не смотреть. Потому что до сих пор пытаюсь убедить себя в том, что то, что было между нами неправильно и постыдно…

Только вот когда он просто встаёт и выходит из аудитории после совместной пары, проходя мимо меня, словно я – лишь предмет интерьера в этом кабинете, я не могу стерпеть. Меня разрывает… Меня так разрывает, что несёт за ним. Будто на каких-то невидимых нитях. Словно мы с ним в связке, и он отрывает от меня куски. Я замираю, охваченная этими чувствами. Выкрикиваю его фамилию от этой боли, будто хватаюсь за неё руками и ногами. Смотрю на него, и она внутри меня пульсирует с новой силой, не позволяя мне контролировать ситуацию. Дрожь проносится по всему телу, а вместе с ней и осознание, что он смотрит на меня не так, как раньше. Что это даже не восхищение или возбуждение и, возможно, даже не ненависть, а разочарование во мне… И от этого ещё больнее…

– Что Вам нужно, Полина Сергеевна? – спрашивает с таким видом, словно я его ранила. Глаза все красные. Вижу, что у него будто похмелье или он снова пил сегодня. А ещё неконтролируемая злость, которую он вкладывает в каждый взгляд, брошенный в мой адрес. Удивительно, но я чувствую её на себе. И даже так я точно знаю, что он меня не тронет. Я имею в виду – не ударит. Марк точно не сможет меня ударить.

– Ты пьяный, да?

– Я спросил. Что Вам от меня нужно? – повторяет ещё жёстче. Хотя я думала, что уже некуда.

– Марк… Ты пропустил целых три моих пары… Ты…

Вижу, что он издевательски и нервно усмехается. Я понимаю, что он может быть обижен, но чтобы такая реакция… Его самого всего трясёт на месте. Я же не слепая. Понимаю, что нам нужно поговорить после того, что произошло хотя бы для того, чтобы он мог учиться дальше, а я – преподавать. Только он так не считает.

– Это всё, что Вы хотели? Потому что я как-то не настроен это обсуждать сейчас. Если для Вас это проблема, можете переговорить с моими родителями или секретарём…

– Марк! – порываюсь я, слишком громко выкрикнув его имя. Меня перед ним так колошматит, что я стоять ровно не могу. Что за издевательства?! – Если ты продолжишь пропускать, я думаю… Я вынуждена буду… – пытаюсь подобрать слова, но каждое из них застревает у меня в горле острым осколком. Я и так отмечала в ведомости, будто бы он был. Для того, чтобы его не ругали, но вечно я так не смогу…

Он делает шаг ко мне, а я замолкаю, двигаясь назад и впечатываясь в стол. Хватаюсь за края столешницы пальцами. Так, что на секунду кажется, будто на них останутся занозы. Но та, что внутри меня сильнее. Больнее. Жёстче. Сердце внутри сжимается, пытаясь выдавить её оттуда. В том числе от притяжения, которое я к нему испытываю. Оно какое-то

абсолютно неадекватное. Рвущее все шаблоны на части…

– Марк…

– Ты, сука, издеваешься надо мной или чё?! – выпаливает он на эмоциях. Я даже дар речи теряю. Не знаю, что сказать. Проглатываю язык. Смотрю на него и сердце будто в руку зажали. И раздербанили. В труху. Он так стиснул челюсть. Сжал кулаки. И злится на меня до невыносимых распри внутри. Видит, что я оцепенела. Глаза его резко отрываются от моего лица, словно он больше не желает со мной контактировать. – Не доёбывай меня больше. – развернувшись, он начинает уходить к двери, а у меня в груди натуральное решето после его слов. Месиво! И если я промолчу сейчас, я знаю, что я его потеряю. Чисто интуитивно я это так ощущаю. Будто окончательный разрыв. И сердце толкает меня на безумства. Даже если потом я сто раз пожалею об этом.

– Мне тоже больно! – выкрикиваю я через сдавленный в горле ком. Мне кажется, даже срываю горло до хрипоты, впервые высказав то, что зажало меня в тиски. Он замирает возле той же двери… Замирает, тянется к ключу, торчащему из неё, и проворачивает его на триста шестьдесят до щелчка, который заставляет меня вздрогнуть. Я просто даже не ожидаю, наверное. Или ожидаю, я не знаю, как это описать, но Вершинин тараном идёт на меня, словно обезумивший, и вжимает меня в преподавательский стол всем своим телом…

Глава 27.

Марк Вершинин

Я не могу описать, что со мной происходит. Я могу только показать. И то это грёбанный АД. Я так на неё злюсь. Так, сука, сильно, что зубы скрипят. Конечности немеют. Сгребаю её тело на ходу и буквально сразу вжимаю его в стол, жадно присосавшись к её губам своими. И да. Мне поебать. Мне так поебать, что здесь нельзя. Я уже не могу. Терпения ноль. Я его, сука, выстрадал. Запах кокоса буквально за секунду проникает в мои лёгкие, а следом и во всю кровеносную систему… Смешивается с чужеродными для него элементами, но на удивление подозрительно быстро находит в них свой дом. Она пускает в меня свои корни. Она уже там. Внутри меня.

Полина обхватывает ворот моей рубашки руками. Сжимает его, пока я нахожусь где-то в параллельной реальности. Где нет «нельзя», нет запретов, есть только мы с ней, а всё остальное так или иначе идёт на хуй. Прямым текстом.

– Я вас видел, сука… Я вас, сука, видел… – шепчу со злостью, кусая её за скулы, и меня всего трясёт. Но не одного меня. Её тоже накрывает. Я по зрачкам вижу. И по реакции на мои слова. Это клиника. Мы больны.

– Я вас тоже… – бормочет она болезненно, и я снова толка

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «Литрес».

Прочитайте эту книгу целиком, купив полную легальную версию на Литрес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.